

ОЛЕГ ДИВОВ

С Л Е Д З О М Б И

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

След зомби

Олег ДИВОВ

Братья по разуму

«ЭКСМО»

1997

Дивов О. И.

Братья по разуму / О. И. Дивов — «Эксмо», 1997 — (След зомби)

Когда братья встречаются после разлуки длиною в жизнь, они не обязательно бросаются друг другу в объятия. Когда спецслужбы воюют между собой, они не всегда действуют в интересах своих государств. Когда всем нужен один и тот же человек, это еще не значит, что победит тот, кто найдет его первым. Страшное тайное оружие русских, считавшееся уничтоженным, выстрелило и поразило целый город. Инопланетный корабль сел на крышу московского дома. Ветеран секретного проекта достал из подвала боевую психотронную пушку и начал палить в чекистов, приехавших его арестовать. А британскому секретному агенту банально набили морду на задворках Тверской... И благополучный мир XXI века висит в шаге до войны. Известно даже, где искать разгадку. Но по условиям игры добыть ее можно только вдвоем. В книге присутствует ненормативная лексика.

© Дивов О. И., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	40
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Дивов

Братья по разуму

Сегодня нет фактических оснований полагать, что упоминающиеся в книге организации существуют, когда-либо существовали или будут существовать. Все совпадения имен, названий и наименований случайны.

*А он сказал только: «Не наделай ошибок». Ясно, чего не надо делать, но совершенно не ясно, как же все-таки жить.
Джойс Кэрол Оут. «Сад радостей земных»*

Пролог

Черного, как антрацит, дядьку с типично африканским именем Доктор Мбебе подловили в туалете его собственного офиса. Дали президенту благотворительного фонда закончить свои дела и вымыть руки, а потом оглушили шокером и затащили в подсобку. Прилепили контакты на виски и запустили сканер. Но как только машина вышла на режим и начала копаться у бедняги в голове, Доктор Мбебе затрясся всем телом, широко открыл глаза, громко пукнул и умер. Так его и бросили носом вниз в мужской уборной второго этажа.

Над Шварцкопфом, страшно богатым и поэтому хорошо охраняемым человеком, потрудились изрядно. Чтобы достать его из расплющенного лимузина, понадобился целый арсенал спасательной техники. Но дело того стоило – Шварцкопфа слегка помяло, а вот у телохранителей его наступил, мягко говоря, распад функций. Так что вовсе не их крепкие руки волокли упирающегося босса в «Скорую помощь». В салоне «Скорой» Шварцкопфа тут же вырубил и подключили к сканеру. Но едва оператор ввел первый вопрос, как газетный магнат приказал долго жить без объяснения причин.

Джимми Богарт упал с лошади посреди своего необъятного ранчо. Его уволокли в кусты и оприходовали по всей форме, но сканер опять ничего не успел считать, потому что у самого популярного в мире телевизионного ведущего остановилось сердце.

За атташе по культуре Ли Ван Ху долго носились под дождем, проклиная бег трусцой и прочую физкультуру, по нью-йоркскому Центральному парку. Наконец чертов агент влияния свернул-таки в безлюдный уголок, где его и подстрелили из игольника. Развернули тент, подтащили аппаратуру, и тут действие парализатора вдруг кончилось. То ли погода сказала, то ли неучтенные резервы азиатского организма. В общем, Ли очнулся, вытарашился на переносной комплекс для «промывки мозгов» и мгновенно догадался, что это такое. Во всяком случае, так поняли его реакцию, потому что Ли часто задыхался, дернулся и отдал концы. По сравнению с предыдущими жертвами это был явный прогресс. Все-таки хоть какая-то информация.

К сожалению, ее с опозданием передали тем, кто занимался Котлером. Все делалось в безумной спешке, главными козырями операции считались дерзость и молниеносность – в течение суток она должна была завершиться по всей планете. И старший израильской группы как раз слушал по телефону приказ, когда Котлер открыл дверь. А старший, думая, как же из ситуации выкрутиться, стоял с поднятой рукой: ждать новой команды, не двигаться. И человек с игольником так и не понял, стрелять ему или нет. А Котлер, ничего не подозревая, шагнул в свой кабинет, обнаружил там группу людей с напряженными лицами, заметил направленный ему в живот ствол игольника и всех перехитрил. Он заорал по-русски: «Я все скажу, только не бейте!» Старший так обалдел от этого заявления, что у него челюсть отвисла, а тот, что с

игольником, так и не выстрелил. А Котлер сполз по косяку и больше уже ничего не говорил, ни по-русски, ни как-нибудь еще.

Поэтому с некоей госпожой М., женой влиятельнейшего европейского политика, разговор велся по старинке. То есть накрыли ее там же, где и собирались, – в тайном любовном гнездышке. Но форсированных методов применять не стали, а просто решили попугать. Госпожа М. с интересом просмотрела свежую видеозапись, демонстрирующую все, что с ней, госпожой М., только что вытворял дипломатический советник Вестгейт. Заметила, что господин Вестгейт – это, конечно, ее ошибка, потому что, несмотря на всю изобретательность одного молодого человека, удовольствия от него никакого, а одно расстройство. Предложила задавать вопросы. И через десять минут, едва только гости начали докапываться до сути дела, ни с того ни с сего кувыркнулась с дивана головой в ковер и затихла.

На этом досадном инциденте руководство операции разбил паралич воли. И вся история чуть было не закончилась, не успев толком начаться. Все еще могло обернуться по-хорошему. И дипломатический советник Вестгейт не узнал бы, как в Москве умеют бить по морде, не застрелил бы четверых русских, одного финна и любимую собаку Игоря Волкова и не познакомился бы с такими экзотическими вещами и личностями, в существование которых воспитанные молодые люди просто не верят. Но то ли Вестгейта дурацкая национальная судьба настигла – а он по происхождению был коренной москвич, – то ли дипломатический советник просто, что называется, дождался. Потому что ближе к вечеру того злополучного дня заглохшая было операция получила новый импульс.

Неожиданно оказался доступен человек, на которого спецслужбы давно точили зуб, но ухватить руками никак не могли. Был госпитализирован в частную клинику старый Оке Липар, председатель закрытого международного клуба промышленников. Наутро фотография «железного шведа» в траурной рамке обошла все выпуски новостей, а сын и наследник безутешно рыдал над телом старика, лицо которого неприятно изменила смерть. В дверях клиники начальник охраны покойного оттирал журналистов, и то, что он чуть не до крови прокусил себе губу, все приняли за знак глубочайшей скорби. Начальнику охраны действительно было нехорошо от утраты. Нарушив обязательства перед клиентом, которому служил верой и правдой много лет, он будто лишился частички себя. Но эта боль должна была пройти, а пропавшую бесследно дочь начальнику обещали вернуть. Правда не раньше, чем в фамильном склепе Липаров появится настоящее тело.

Когда с Липаром осторожно поработал специалист, выяснилось, что никакой он не железный, да еще и не швед к тому же. Операция удалась, и в компьютеры ее организаторов потекла информация. Она была чудовищна, она была невообразима, но с ней приходилось смириться. И оставалось только сделать выводы и принять решение. И то и другое далось нелегко, такими крутыми мерами пришлось бы вырезать из мозга человечества кошмарную опухоль. Но иного выхода не было. И с того момента, как решение было принято, спокойной жизни дипломатическому советнику Вестгейту осталось ровным счетом на два дня.

Глава 1

Первое июня, вечер

Так получилось, что трижды машина заезжала во двор совершенно безнаказанно. А потом стряслась беда – у местного дворника по прозвищу Дядя Сэм окончательно свихнулась бабушка. Пока все благоразумные жильцы, трясясь от ужаса, разбежались кто куда, бабка пристально смотрела на дьявольский экипаж, хмуро бормоча что-то себе под нос. И, видимо, досмотрелась, потому что на четвертый вечер, едва машина закатилась во двор и заняла свое место у подъезда, старуха взгромоздилась бесформенной тушей на подоконник и разразилась проповедью. Вот он, мол, провозвестник Апокалипсиса. Приехал.

Тут, как назло, во двор нетвердой походкой вступил ее внук с неизменной поллитрой, бережно закутанной в бумажный пакет.

Дядя Сэм был человек просвещенный, с двумя образованиями, тщедушный и страшненький. Козлиная борода, за которую он и получил свое прозвище, треснувшие очки – этаким интеллигентный алкаш. Когда машина посетила двор в первый раз, он тут же все про нее соседям доходчиво объяснил. Дескать, аппарат удивительный занесло в Москву, не иначе как из другого измерения, некоего параллельного мира. А потому есть машина не что иное, как необыкновенно реалистичная голограмма, короче говоря, привидение, и вреда от нее никакого быть не может. Нечего трястись, примите для храбрости и ложитесь спать. Постоит и уедет.

Машина действительно постояла и через полчаса уехала. Но на следующий вечер появилась опять. Встревоженные жильцы воззвали к ментам. Городовой Барабаш, он же Барабашка, предусмотрительно держа руку на кобуре, внимательно осмотрел машину с расстояния шагов в двадцать, цыкнул зубом, пообещал доложить куда следует и степенно удалился. Но, свернув за угол, он вдруг задал стрекача и бежал, пока не уперся в рюмочную, где и занял оборону.

Барабашку даже коллеги по участку без стеснения обзывали мусором, он был труслив, суеверен, малограмотен и хитрожоп. Кроме того, ему оставалась от силы неделя до пенсии. Поэтому ничего он никуда не доложил. И факс о происшествии оказался не там, где следует, а в канцелярии Академии наук. Шизоидную писульку о «таинственном предмете, имеющем форму автомобиля», вызывающем у честных граждан припадки немотивированного страха, сунули в утилизатор. Поэтому наступил день четвертый, бабушка Дяди Сэма двинулась рассудком, а чертовой машине довелось проявить свою материальную сущность.

Входя во двор, Дядя Сэм как раз предавался размышлениям о том, как должен выглядеть мир, в котором имеют место черные автомобили на бесшумном ходу, не требующие водителя. Еще он горько сожалел, что машину нельзя потрогать руками. Он бы с удовольствием в нее забрался и уехал из опостылевшей Москвы к такой-то матери. В проспиртованном разуме Дяди Сэма напрочь атрофировался инстинкт самосохранения, и машины он совершенно не боялся. Истерику, которая при виде посланца иного измерения охватывала сверху донизу два пятиэтажных дома, Сэм относил на счет дремучих суеверий. И крепко надеялся, что в Академии наук его сообщение оценят по достоинству. Может, и денег подкинут.

Сэм обогнул вонючую помойку и увидел автомобиль, уже занявший облюбованное им место под фонарем у третьего подъезда. На радостях Сэм, довольно осклабившись, сунул руку в свой пакет, нащупал бутылку, отвинтил крышку и хлебнул из горлышка. Некоторое время он с блаженной улыбкой рассматривал гостя из Неведомого. Автомобиль был все тот же – большой седан представительского класса, черный, с двумя ярко-желтыми полосами от бампера до бампера, идущими через капот, крышу и багажник. Гладкие шины-слики, слегка затемненные стекла и никого внутри. Симпатичное и дружелюбное привидение. Какое-то время Сэм прикидывал, как было бы здорово рвануть на нем подальше от сонного города, в котором ничего не

происходит, и вообще из этого чересчур рационального мира с его пластмассовыми вениками, дорогой водкой и счетчиками расхода воды. Только Сэм вознамерился отхлебнуть еще раз, как до него дошло, что из окна первого этажа кто-то матерно вопиет о том, что день Страшного Суда близится.

В голове у Сэма что-то звонко щелкнуло. Бабушку Валентину Борисовну, жирную истеричную сволочь восьмидесяти трех лет, наводившую ужас на все окрестности, Сэм искренне любил и признавать сумасшедшей отказывался. Он фактически из-за нее развелся с женой, которая на коленях умоляла его отправить старуху в психиатрическую клинику. И теперь Сэм безошибочно вычислил, что гость из параллельных миров бабушку обидел. Поэтому отношение его к автомобилю-привидению круто повернулось на сто восемьдесят градусов. Сэм аккуратно сунул пакет с бутылкой за мусорный ящик, добыл из-за пазухи оружие самообороны в виде куска высоковольтного кабеля и бросился мстить.

Он заподозрил неладное, только когда покрытое трещинами лобовое стекло машины провалилось внутрь салона. По инерции Сэм разнес в крупу окно водительской двери, и тут дубинка вывалилась у него из рук.

– К-как же это... – прошептал Сэм, чувствуя, как у него подгибаются колени, а перед глазами все плывет.

– Беги, мудака! – посоветовала ему из окна бабушка. – Покайся, пока не поздно, сучий выблядок!

– Она же... вот... – пробормотал Сэм, тыча в машину пальцем.

– Гореть тебе адским пламенем! – сообщила бабушка.

– Она же настоящая!!! – заорал Сэм. – Она же вот!!! А-а-а!!! Люди!!! Спаси-и-те!!! Ма-а-ма!!!

Автомобиль не был привидением. Он присутствовал в московском дворе на самом деле. Вот уже четвертый вечер сама по себе, без участия человека, эта штуковина приезжала и уезжала по каким-то своим делам. И сейчас ей, видимо, опять пришло время уехать. Потому что под капотом раздался приглушенный свист.

Перепуганный Сэм взвыл и попытался отпрыгнуть в сторону, но запутался в собственных ногах, споткнулся, упал, с размаху треснулся затылком о бордюрный камень и затих. Машина, шелестя, тронулась с места и покатила со двора прочь.

А на следующий день к дверям местного участка подъехало вполне земное, но тоже черное авто с наглухо тонированными стеклами. Из него вышел и проследовал внутрь участка молодой человек в джинсовом костюме, сапогах-казаках и с прической «конский хвост». Не говоря ни слова, он зашел в дежурку и сунул в щель терминала пластиковую карточку. Лейтенант посмотрел на монитор, и лицо его приобрело характерное выражение брезгливого интереса – словно у заглядывающего в выгребную яму в процессе застегивания штанов. Молодой человек по-прежнему молча прошел в кабинет майора, начальника участка, и провел там минут десять. Вышел, сел в машину и уехал. А еще через минуту из своего кабинета показался майор. Он разинул рот, и на какое-то время несение службы приостановилось, так как в участке все оглохли.

– И все-таки это здорово, – сказал мент. – Я прошлым летом ездил в Майами отдыхать, и представляешь, чуть ли не на каждом заборе у них написано: «Русская культурная экспансия». И ладно бы – плакаты висели, а то ведь спреем из баллончика... Ох, я и загулял там...

– Это мода, – процедил Игорь, не отрываясь от своего бинокля на высоком штативе. – Это пройдет.

– Не скажи, – покачал головой мент. – Мода на одежду бывает, на музыку... А вот чтобы мода на образ мыслей – такого я себе что-то представить не могу. Понимаешь, они ведь действительно любят, по-настоящему любят все русское. Они понимают, что Россия – духовный лидер планеты. И хотят быть на нас похожи. Учатся быть такими, как мы... такими...

– Раздолбаями? – подсказал Игорь.

– И это тоже, – согласился мент. – Что есть, то есть – неотъемлемая черта национального характера. Ты знаешь...

– Слушай, лейтенант, ты всегда на работе такой болтливый? – поинтересовался Игорь.

– Виноват. – Мент шмыгнул носом и плотнее вжался спиной в угол. Игорь переключил бинокль на ночной режим.

Двор был совершенно безлюден, а стоявшие вокруг дома безжизненны, даже окна в них не светились, хотя внутри еще кто-то остался, тот, кому некуда, как оказалось, бежать. Но больше половины жильцов после вчерашнего инцидента в припадке необъяснимого страха рассосались по родственникам и знакомым. Геопатогенная зона, широкой полосой рассекавшая двор, много лет создавала здесь атмосферу тревожности. Местные жаловались на кошмарные видения, среди них был аномально высокий процент больных нервными расстройствами и откровенных сумасшедших. Так что к визиту дьявольской машины они оказались хорошо подготовлены. В четыре захода проклятый автомобиль вывел из равновесия всех, кого только было можно.

– Это у меня нервное, – сообщил мент. – А ты что, совсем ничего не чувствуешь?

– Чего я не чувствую? – Игорь повернулся к менту и смерил его серьезным взглядом. – Того, что ты весь извертелся?

– Ну... – Мент замялся. – Атмосфера. Дурное здесь место. Гиблое.

– Хочешь, я тебя отпущу? – спросил Игорь без тени насмешки.

– Не-ет. – Мент подобрался и сел прямее. – Не положено. Я должен быть с тобой.

– Тогда не трясись, – Игорь снова уткнулся носом в нарамник бинокля, – ...духовный лидер планеты и ее окрестностей.

– Вот ты погуляй по этому двору, а я на тебя посмотрю, – огрызнулся «духовный лидер». – Понастроили жилья черт знает где. А здесь, между прочим, даже крысы не водятся. Отселять надо эти дома.

– Экий ты продвинутый... адвокат геопатогенных зон, – пробормотал Игорь, усмехаясь. – А еще мент называется. У тебя должна быть психология спасателя, ты людей обязан защищать от аномальных явлений, а не наоборот.

– Если б я ничего не боялся, меня бы в менты не взяли, – объяснил мент. – У нас психам делать нечего. А с аномальными явлениями бороться – это по вашей части, по эсэсовской. Каждому свое. Ты же небось с детства хотел на работу в джинсе ходить и лохмы отрастить до задницы? Ну вот и давай теперь отгоняй от меня барабашек.

– Положим, одного барабашку я уже ликвидировал, – заметил Игорь.

– Старый пердун ушел бы на пенсию через неделю, – агрессивно заявил мент. – А ты полез не в свое дело, и...

– Ты никогда не задумывался, почему менты обзывают работников секретных служб эсэсовцами? – перебил его Игорь.

– Выражение такое – Secret Service, – пожал плечами мент. Ему стало немного стыдно. Он еще никогда не работал с эсэсовцем и не думал, что обзовет его так в глаза. Тем более что этот Игорь оказался нормальным парнем и вызывал у мента необъяснимую симпатию.

– А я думаю, аналогия глубже, – вздохнул Игорь. – Ладно, оставим этот разговор, о'кей? Эй, подвал, – позвал он, и в ухе у него тоненько пискнуло – рация отозвалась на кодовое слово. – Подвал, я Боец, как вы там? Не заснули?

– Как же, заснешь тут, – отозвался из подвала старший оператор. – Тишина, как на кладбище. Сидим, потом обливаемся.

– Что, страшно?

– Ну... Понимаешь, нам тут городской легенды всякие рассказывает про эти места. А ты как?

– Аналогично. Слушай, осталось десять минут. Давай врубай свою шарманку.

– Система уже на прогреве. Выход на режим через пятьдесят секунд.

– Отлично. И без паники.

– Ну.

– И не соваться.

– Да, да...

– Извини. Я хочу быть уверен, что, когда она подъедет, никто не кинется и не спугнет ее. Городового там придержи. А то, похоже, местные ребята совсем упали духом. Ладно, работаем.

– Работаем, да.

– Эх, выпить бы сейчас... – подал голос мент.

– А у тебя есть? – Игорь на ощупь достал из кармана сигареты, зубами вытянул одну из пачки и прижал ее кончик к спирали зажигалки. Смотрел он все это время только в бинокль и никуда больше.

– Допустим, есть, – осторожно сказал мент.

– Ну и выпей.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Только не болтай. Выпей и молчи. Уверен, что сможешь не болтать?

– Ей-богу.

– Тогда давай. Лейтенант Рошин, Федеральная Контрольная Служба в моем лице разрешает вам принять допинг. Выполняйте.

В углу завозились, и раздалось характерное бульканье. Продолжалось оно долго, и Игорь даже задумался, как это у мента хватает воздуха и какого объема у него фляга. Наконец в темноте довольно крякнули и шумно утерлись рукавом.

– А вот... – начал было мент, но тут Игорь резко выпрямился, запрокинул голову и тихонько охнул.

– Ты что?! – встрепнулся мент.

– Эй, подвал, – с трудом выдавил Игорь. – Смотреть внимательно! Она здесь. И держитесь, ясно?

– Зона пятьсот! – твякнуло у него в ухе. – Видим ее, идет с севера. Ждите.

– Боец, понял тебя, – отозвались снизу.

– Кто побежит, голову сниму. Не спугните ее.

– А нам уже все равно, мы таблеток нанюхались.

– Ха! – Игорь приник к биноклю. – Молодцы... Так, значит, она возникает где-то в радиусе от километра до пятисот. Интересно.

– Слушай, – осторожно позвал из угла мент. – А откуда ты узнал, что она едет?

– Почувствовал, – честно ответил Игорь и невольно поежился. С детства он обостренно воспринимал энергетику окружающего пространства. Сначала не понимал, что это значит, потом научился своей эмпатией управлять и различать самые тонкие ее сигналы. И если ему отчего-то не хотелось сворачивать в темный переулок, он ни за что туда не шел. Потому что там либо могли дать по морде, либо готовилось упасть с крыши что-то увесистое.

Повзрослев, Игорь свыкся с такой своей аномалией и даже обернул ее себе на пользу. Тренированное сознание легко вычисляло степень опасности. Игорь уже не боялся всего на свете, а, наоборот, сам научился в нужные моменты становиться опасным и гнать перед собой невидимую волну, не только отпугивающую врага, но даже и отводящую беду. Правда, он ни

перед кем и никогда не рисковал похвастаться своим даром. До того дня, когда его пригласили на Службу и его странный нюх на Неведомое не оказался востребованным в полной мере.

И сейчас, почувствовав издали приближение инородной энергетики, Игорь не испытывал страха. Он был готов к встрече с чужаком и ощутил только легкий укол в области сердца. Впереди была работа, чужой не представлял опасности, а все, что должен был сделать Игорь, – внимательно рассмотреть его, описать и о результатах доложить.

А то, что это должен был сделать именно он, Игорь, и никто другой, тоже представлялось вполне естественным. Он был одним из немногих, кто мог без страха и ущерба для себя приближаться к энергетическим аномалиям. Скорее чужое боялось Игоря, нежели он – чужого. И сейчас он намеревался сделать то, на что без алкоголя в крови не решился бы ни один психически нормальный человек. Операторы сканеров внизу, в подвале, находились под воздействием антистрессовых препаратов. А Игорь здесь, на чердаке, должен был оставаться трезвым и беспристрастным наблюдателем.

– Вижу! – шепотом закричали в наушнике. – Боец, вот она!

– Есть, тоже вижу, – машинально кивнул Игорь. Во двор бесшумно закатилась, развернулась в два приема и встала под фонарем невесть как попавшая на Землю-матушку черная машина с желтыми полосами.

– Пишем, пишем... – бормотали в ухе. – Все нормально. Так, Боец, давай, начинай. Десять минут у тебя.

– Сейчас иду, – сказал Игорь, отстегивая от пояса маркер-кит. Прибор, внешне похожий на маленький фотоаппарат, ставил на любой объект, живой или неживой, невидимый маркер и мог его пеленговать с достаточно большого расстояния. Сейчас Игорь должен был только поставить метку – в разных концах города ее появления ждали мощные пеленгаторы.

Игорь поймал машину в видоискатель и нажал кнопку. Раздалось тихое жужжание, в окуляре замигали разно-цветные огоньки.

– Есть пеленг, – отозвался далекий голос в наушнике.

– Отлично. – Игорь приладил маркер-кит на место, повернулся к менту и ткнул пальцем в бинокль. – Давай наблюдай.

– А ты э-э... – Мент ткнул пальцем вниз.

– А что, ты туда пойдешь? – поинтересовался Игорь.

– Силен! – восхитился мент. – Ладно, ни пуха. – Он встал и осторожно приблизился к биноклю.

– К черту. И помни: ты – независимый свидетель. Твоя задача смотреть, что происходит со мной. Не смотри на машину, смотри на меня. Если она меня обидит, ты должен рассмотреть, как именно.

– Тьфу! – Мент пристроился к биноклю и отрегулировал фокус. – Камикадзе.

– Неандерталец, – парировал Игорь и нырнул в чердачный люк.

Автомобиль ждал. Дом боялся. Игорь заметил, как шевелятся в окнах занавески, и сочувственно покачал головой. И смотреть на чудо-юдо было страшно, и не смотреть – просто невозможно. Приближаясь к машине, он чувствовал, как в душе растет беспокойство, и невольно сравнивал его с ощущениями, которое вызывали у него прежние встречи с Неведомым. А встреч этих накопилось уже немало, и все они были очень разные. Но задача, как правило, была одна – избавить ни в чем не повинных граждан от назойливых визитов чужака. Войти в контакт с аномалией, рассмотреть ее, исследовать и найти метод устранения. Как сейчас. Только раньше Игорю приходилось иметь дело с вещами попроще – гремлинами, полтергейстами, домовыми... Иногда они существовали в больном воображении людей, и тогда за дело

брался психотерапевт. Иногда были всамделишными, и тогда Специальному отделу случалось попотеть. Но в любом случае первым шел Игорь. Человек, который должен разобраться, что же именно случилось. Не бог, не царь и совсем не герой. Всего лишь внимательный и спокойный человек.

До машины осталось несколько шагов. Напряжение росло.

– Так, – сказал Игорь, зная, что сейчас его голос не только «пишется», но и раскладывается умными приборами на составляющие, чтобы зафиксировать малейший его оттенок. Сканеры прошивали невидимыми лучами не только машину, но и самого Игоря. И у него было лишь десять минут на все про все, потому что потом сканеры перейдут на опасные для жизни частоты. Может статься, что жесткое излучение машину отпугнет раньше, чем удастся хоть что-то о ней понять. А может, и нет.

– Подтверждаю все известные данные, – начал диктовать Игорь. – Шины без протектора, диски внешне аналогичны нашим литым, тонировка стекол примерно двадцать процентов... Окраска зеркально идентична случаю, зафиксированному в Сарове в 1990 году... – Он присел на корточки, потом занял положение «упор лежа» и заглянул под машину. Там было темно. Игорь встал на колени, достал фонарик, включил и, неловко изогнувшись, заглянул под машину снова. – Днище гладкое, цвет черный. Деталей подвески не вижу, извините. Нет, не вижу, все сделано заподлицо. Так...

Игорь распрямился и шагнул к машине вплотную.

– Материал... – он бесцеремонно постучал кулаком по борту машины, – идентичен нашему сталепрокату. Ну, про стекла вы знаете. Так... – Он подцепил двумя пальцами ручку левой передней двери и потянул ее на себя. Дверь неожиданно легко открылась с неприятным чавкающим звуком.

– Сиденья диванного типа, гладкие, – диктовал Игорь. – Не вижу швов. Никаких заметных органов управления. Господа, это какой-то автомат. Честное слово. Или им должны управлять телепатически.

– Чтоб ты знал, он на электрической тяге. Схема «мотор – колесо», – сообщил оператор. – Ясно видим обмотки моторов.

– Вы только меня не продырявьте ненароком, – попросил Игорь.

– Да все нормально, Боец, что ж мы, звери...

– Звери – не звери, а полегче там. И внутрь я не полезу. Мне и так все прекрасно видно.

– Как скажешь.

Игорь медленно обошел «предмет, имеющий внешность автомобиля», припоминая отчеты о подобных машинах. Последнее такое явление было зафиксировано около сорока лет назад в Сарове, более известном как Арзамас-16, вредном для здоровья городе с обилием аномальных зон. Что могла делать нехорошая машина в относительно благополучной Москве, Игорь не понимал. Но расцветка и внешний вид автомобиля удивительно напоминали тот случай в Сарове.

– Это точно автомат, – пробормотал Игорь себе под нос. – Фар нет, габаритов нет, катается, наверное, по заданному маршруту с заданной скоростью... Интересно, а багажник у него сзади?

– Пустота и сзади, и спереди, – сообщил оператор. – И никакого намека на аккумуляторы, между прочим.

– Ну-ка, посмотрим. – Игорь подошел к машине сзади, присмотрелся и увидел тонкую горизонтальную щель с почти незаметной выемкой.

– Да там пусто. Давай, Боец, закругляйся.

– Понял, понял. – Игорь сунул в выемку палец и осторожно потянул вверх. С таким же, как у двери, чмоканьем крышка багажника легко поднялась в вертикальное положение.

– Да, похоже на багажный отсек, – кивнул Игорь. – Пустой. Стоп! А это что?

В углу багажника лежала книга. Или что-то, имеющее внешность книги. Маленькая пухлая книжица, довольно потрепанная, в лоснящейся черной обложке, на которой виднелся неясный символ. Игорь задумчиво склонил голову набок. Он устал находиться рядом с машиной, беспокойство усилилось, оно так и жгло, и браться за книгу руками совсем не хотелось. А хотелось оставить машину и уйти домой. Это желание было настолько острым, что Игорь на секунду потерял самообладание и почувствовал опасность, только когда она подошла совсем близко.

– Сза-а-ди!!! – раздался крик с чердака. Кричал мент. Впрочем, он опоздал. Игорь уже стоял к противнику лицом, инстинктивно приняв угрожающую позу и по-собачьи рыча.

– Не бойся, – сказал чужак. – Просто уйди. Я тебя не трону.

– Лучше уйди ты, – посоветовал Игорь. Руки его были уперты в бока, тело чуть наклонено вперед – позиция внешне безрассудная, но Игорь знал, какое неприятное впечатление она производит. Сама злоба, и злоба, очень уверенная в себе. Хриплый голос, острый взгляд.

– Оставь, – сказал чужак небрежно. – Это не для тебя.

– Да ну? – Игорь приосанился и шагнул к чужаку ближе. Стоять вплотную к этому существу было противно до тошноты. Прилично одетый мужчина лет тридцати – черные лаковые туфли, темные брюки из-под длинного черного с отливом плаща, белый воротничок, черный галстук, аккуратная черная шляпа с узкими полями. Хищное остренькое лицо, чеховская борода, ухоженные тонкие усики. И круглые темные глаза.

– Уйди, – произнесло существо с угрозой в голосе.

– А хвост у тебя есть? – неожиданно спросил Игорь.

– Что?! – изумилось существо.

– Ну хвост, хвост! Девчонок пугать.

– А-а... – Существо явно было обескуражено. – А тебе-то что?

– Интересно.

– Я повторяю: уйди. Ты дождешься, что я тебя помечу. Даю пять секунд на размышление.

– Ты меня пометишь, и что дальше?

– А дальш-ше ты будеш-шь мой!!! – прошипело существо. Это было сказано действительно страшно. Но Игорь не мог сдать позиции. Он был обязан выкачать из чужака максимум информации. Держаться до посинения. Или до обморока. «Черт, почему другие так не могут? Страсть как надоело подставляться. В отпуск хочу».

– Голограмма ты несчастная, – сказал он пренебрежительно. – Я сейчас пальцем шевельну, и по тебе шарахнут лазером. И испаришься ты в мгновение ока. Так что не пугай меня, ладно? Давай поговорим.

– Я здесь, и я настоящий, – возразило существо. – А ты один. Тот, что наверху прячется, не в счет. И сейчас я тебе покажу, какой я на самом деле. На, – существо протянуло Игорю узкую ладонь. – Сам напросился, теперь держи.

Игорь посмотрел на изящную руку чужака и понял, что взяться за нее не сможет. Просто не хватит воли. Он и так еле стоял на ногах. Чужак что-то делал с ним.

– Отползай, Боец, – прошелестело в ухо. – Отползай!

«Они его убьют, – подумал Игорь. – Сдуру прижгут лазером и убьют. У них же больше ничего похожего на оружие нет». Незаметным движением пальцев он подцепил спрятанный за пояс шокер. Пистолет-игольник был бы сейчас надежнее, но он висел под мышкой. А Игорю чертовски не хотелось обнаруживать свои намерения.

– Отползай, дурак! – уже в голос требовал оператор. – Он настоящий! Он атакует, на тебя идет волна!

В фигуре чужака почувствовалось напряжение. Кожа на острых скулах натянулась, рот превратился в тонкую щель. – Тебе со мной не справиться, – сказал Игорь недрогнувшим голосом.

– Ты будешь моим слугой... – сквозь зубы прошипел чужак. – Ты будешь слепо мне повиноваться, будешь делать все, что я прикажу... А за то, что ты не поверил мне, я заставлю тебя пить огонь и есть пепел...

– Как сюда занесло эту штуку? – перебил его Игорь, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Рука на шокере дрожала и отказывалась повиноваться. Игорь понял, что воспользоваться оружием не сможет.

– Ха! Ну что же... Тебе уже некуда деться. Так и быть, я дам тебе узнать, из-за какой мелочи ты стал моим рабом... Она сломалась, понимаешь? Сломалась и уехала не туда. И какое-то время мы не замечали, что ее нет. А потом стали искать и вот нашли... А я нашел тебя – какая удача. Ты мне годишься. У нас любят красивых мальчиков. Тебе не будет скучно у нас...

«Нельзя его убивать, – подумал Игорь сквозь застилающий разум туман. – Поймать, задержать... А я уже и шевельнуться не могу... Как бы его стукнуть, но чтоб не насмерть...» И тут он сообразил как. Попытался сказать, но из горла вырвался только хрип. Тогда Игорь собрал остатки воли, закашлялся и неожиданно громко рывкнул на весь двор:

– Лейтенант! Огонь!!!

И сверху грохнуло.

Игорь верно рассчитал, что все это время мент таранился сверху вовсе не в бинокль, а в прицел своего «клина-ММ» с выдвинутым прикладом. И теперь с превеликой радостью засадил в чужака без малого полмагазина. Пули зацокали по асфальту. Игорь сложился вниз, как марионетка, у которой отпустили веревочки, и забился под багажник машины. В ухе надрывно кричал оператор.

Несколько пуль впились чужаку в левое плечо. Он заорал благим матом, присел и с места прыжками кинулся в машину. Игорь услышал, как захлопнулась дверь, и по автомобилю прошла волна неприятной вибрации.

Силы взялись неизвестно откуда – Игорь выкатился кубарем из-под багажника, срывая с пояса шокер. Вдавил скобу, и желтая молния ударила в черный борт. Но машина уже тронулась с места. Наверху лейтенант сменил магазин и теперь упоенно дырявил ей крышу.

Лежа на боку, Игорь смотрел, как уплывает от него открытая пасть багажника. Он чувствовал, что уже не сможет догнать машину и схватить книгу. И тогда он поступил инстинктивно, глупо, наверное, поступил. Но смотреть, как машина с чужаком степенно выползает со двора, не было сил.

Игорь выхватил из кармана маленький серебристый цилиндрик, повернул кольцо предохранителя и несколько раз нажал кнопку таймера. Вскочил, пробежал, спотыкаясь, несколько шагов, аккуратно, «навесом», забросил цилиндрик в багажник машины и с чувством полного удовлетворения повалился на асфальт.

– Боец! Сука! – визжали в ухе. – Зачем?!!

Игорь, лежа на спине, глядел в небо и улыбался. Машина скрылась за углом. Кто-то галопом несся к Игорю от дальнего подъезда. И это оказался мент.

– Ну?! – выдохнул он Игорю в лицо, упав рядом с ним на колени. – Ты как?! Живой?! Что делать-то?! А?!

– Ты чудо, лейтенант, – сказал Игорь. – А ничего не делать. Выпить осталось?

– Ага. – Мент сунул руку за пазуху и вытащил объемистую флягу из нержавейки с надписью по трафарету «СПИРТ ЭТИЛОВЫЙ». – Сейчас. – Он отвинтил крышку, осторожно приподнял голову Игоря и прижал горлышко фляги к его губам. Во фляге была водка, причем недешевая. Игорь несколько раз глотнул, удовлетворенно выдохнул и сразу почувствовал себя гораздо уверенней. Мент уселся на асфальт, положил голову Игоря себе на колени, раскурил две сигареты и одну воткнул Игорю в зубы.

– Спасибо, – пробормотал тот.

– Надо «Скорую» вызвать, – неуверенно сказал мент, вытаскивая рацию. – Да?

– Не надо, – поморщился Игорь, выпуская клубы дыма. – Сейчас наши подъедут, там есть врач. А потом, со мной ничего серьезного. Просто энергетическое истощение. Завтра буду как огурчик.

– Что это было вообще? – поинтересовался мент.

– Так я ж тебе рассказывал... Лейтенант, ты правда молодец. Выручил. Быть тебе старшим лейтенантом в скорейшем времени.

– А я чего... Да я ничего. Мне еще за патроны как-то отчитываться... Мне еще целый роман писать о том, что было, прямо даже и не знаю...

– Ничего ты писать не будешь. За тебя напишут. Слушай, а ведь ты попал в него, и здорово попал! И больно сделал ему, гаду. За это тебе отдельное спасибо...

Из подвала выбрались трое и, топоча на всю округу, подбежали к Игорю.

– Все, ушла! Ты как, живой? Наши едут, едут, ты потерпи...

– То-то я думаю, отчего тишина вокруг. – Игорь пошарил глазами по своей груди, подобрал непослушными пальцами висящий на шнуре динамик и сунул его в ухо. – Где она провалилась?

– Метров семьсот будет, в середине квартала. Никаких возмущений, ничего такого, просто ехала, а потом исчезла, растворилась в воздухе, и все. Ну, Боец, ты напортил! Что там было, в багажнике?

– Книга.

– Эх! – Старший из троицы в искреннем негодовании схватился за голову. – Обида какая! Вот не повезло, да?! Черт, Боец, как я тебе соболезнаю! Ты хоть на сколько взрыватель поставил?

– На пять минут.

– Будет тебе на орехи...

– Да ничего мне не будет, – сварливо возразил Игорь, выплевывая сигарету.

– Как это не будет?! Бомбу на работу приволок... Ты откуда ее спер, горе луковое?

– Во-первых, она у меня всегда в кармане. Во-вторых, не спер, а купил. А в-третьих, господа, ничего мне не будет, потому что никто про бомбу не узнает. Разве не так?

Операторы переглянулись и вдруг синхронно посмотрели на мента.

– А я ничего не видел, – сказал мент, демонстративно поднимая флягу и отхлебывая из горлышка. – И городской не видел, я вам ручаюсь.

– Городской... Ха! – Один из операторов вдруг захихикал.

– Н-да, – пробормотал старший и крепко почесал затылок. – Даже неудобно как-то. Понимаешь, тут дело такое... Твой городской, по-русски говоря, в штаны наклал.

– Нехорошо так о ментах отзываться, господа, – пристыдил его лейтенант. – Мы тоже люди, ничто человеческое нам... Что?! Вы это серьезно?!

Двор осветили яркие огни. Игорь с трудом повернул голову, узнал машины Службы и устало прикрыл глаза.

Глава 2

Второе июня, утро

Как только в салоне погасли надписи «fasten seat belts» и «no smoking», Вестгейт перевел кресло в режим укачивания, настроил будильник и позволил себе на несколько часов отключиться. Проснулся он свежим и отдохнувшим, заказал легкий энеджерджер и пошел умываться. Вернувшись, принял у стюардессы бокал охлажденного напитка и залпом выпил. Стюардесса не спешила уходить и, бросая на Вестгейта плотоядные взгляды, дольше положенного интересовалась, всем ли пассажир доволен и не нужно ли еще чего. Наверное, Вестгейт еще перед взлетом бессознательно, чисто по привычке, умудрился пройтись по девушке своим отточенным «фирменным» обаянием – то ли взгляд, то ли жест, то ли все вместе. Теперь же Вестгейт на нее рыкнул, и оскорбленная красотка удалилась. Вестгейт горестно покачал головой ей вслед, прикрыл глаза, дождался, пока сознание полностью не активируется, и приступил к работе.

В подлокотнике кресла стоял довольно мощный процессор, но Вестгейт достал из кейса свой. Покопавшись одним пальцем в обойме для дисков, нашел коробочку с модным романом и зарядил ее в машину. Надел виртуальные очки и для разгона прохватил за пару минут несколько глав концептуальной русской белиберды, которой почему-то восхищалась вся планета. Не удержался и хихикнул. Запустил программу-дешифратор, ввел ключ и стал ждать. Текст романа перед его глазами потускнел, распался и сложился вновь. Но теперь это был уже совсем другой роман.

«Категория: ЭКСТРА. Тип: документ. Тема: форсированные экстрасенсы. Характер: справочный материал», – прочел Вестгейт. На секунду он почувствовал раздражение. Вестгейт терпеть не мог фантастику, подозрительно относился к информации о всяких необъясненных явлениях, а от слова «экстрасенс» его просто тошнило. Глобального масштаба гонения на всяческих шарлатанов, развернувшиеся в начале века, были, по мнению Вестгейта, естественной реакцией выздоравливающего общества. Люди слишком долго позволяли шаманам и знахарям себя дурачить. Когда человечество, пережив эпоху кризисов и войн, поднялось на ноги, его начало тошнить. И первой отравой, улетевшей в канализацию, были лжеученые, проталкивавшие так называемую «биоэнергетику». Этих выкорчевали, как сорную траву, физики и врачи. Тут же упал до нуля интерес к «аномальным явлениям», всяким НЛО и полтергейстам – и как по мановению руки их перестали регистрировать. Они просто исчезли. Человечество посмеялось над своей глупостью – и испарились экстрасенсы. Сами разбежались, как только на их «услуги» пропал спрос.

И вот теперь компетентная фирма, которой Вестгейт доверял, как себе, вызвала его в штаб-квартиру для участия в разгребании какого-то замысловатого кризиса. И в качестве справочного материала ему подсунили документ об экстрасенсах, да еще не простых, а «форсированных». Мысленно Вестгейт покачал головой и, с трудом преодолевая естественную брезгливость, принялся читать.

Буквально через минуту он сдвинул на лоб виртуальные очки, воровато огляделся и тут же обругал себя за трусость. Документ был идеально защищен от несанкционированного доступа. Стоило бы Вестгейту убрать палец с кнопки, как дешифратор мгновенно разрушил бы секретный текст, а сам растворился бы в структуре других программ. Получить от Вестгейта ключи доступа тоже было невозможно – он их элементарно не знал, вызывая специальной командой из заблокированных слоев памяти. А закопаться под вживленные в голову Вестгейта блоки не смогла бы даже аппаратура для «промывания мозгов». Человек просто умер бы, так и не дав оператору «промывки» хоть что-то разглядеть. Но Вестгейт был ошеломлен и поддался инстинктивному желанию отвлечься.

Какое-то время он смотрел в потолок, приводя в порядок мысли и гася нежелательные ощущения, мешающие работе. А потом вернул очки на место и принялся уже с холодным сердцем на бешеной скорости поглощать и сортировать информацию.

Историки и аналитики из компетентной фирмы, которая, на взгляд Вестгейта, ошибаться просто не могла, сами были явно не в восторге от добытых ими невест как откровений. Но факты от этого менее сумасшедшими не становились. Как понял из прочитанного Вестгейт, экстрасенсы на Земле действительно были. Настоящие. Более того, они существовали и сейчас, правда, загнанные в глубокое подполье. Впрочем, теперь это никого не волновало. Люди с аномальными способностями были разобщены и шаманили себе потихоньку, как правило, не причиняя никому особого вреда.

Беда заключалась совсем в другом. И накликали ее не кто-нибудь, а русские. Вестгейт даже стыд почувствовал за свою историческую родину. «Mother Russia», Мать Россия, совесть человечества и духовный лидер планеты... Всеобщую повальную русофилию, охватившую несколько лет назад самые разные народы, Вестгейт считал просто очередным массовым психозом. И не без основания полагал, что психоз этот возбуждается именно той фирмой, документы которой с грифом «ЭКСТРА» крутились сейчас у него в процессоре. А значит, человечество оставалось только простить. Потому что Служба ничего не делает зря. И ничего не делает во вред. Мир и спокойствие во всем мире – вот стратегическая задача Службы. И если нужно перекрыть дорогу какому-нибудь вредному поветрию модой на все русское – что ж, русским-то от этого точно хуже не станет. Во всяком случае, спрос на русский секс уже прыгнул до потолка – это Вестгейт не без удовольствия испытывал на себе. Даже он, не совсем настоящий русский, буквально шел на расхват.

Но когда Вестгейту по делам Службы приходилось сталкиваться с такими документами, как сейчас, ему всегда становилось мучительно стыдно за то, что он принадлежит к этой очень странной, хотя и безусловно великой нации. Ему в такие моменты вспоминались слова одного русского же писателя о том, что Европа никогда не будет чувствовать себя в безопасности рядом с Россией. Потому что если русские путь от Распутина до Гагарина прошли за полвека, то что им стоит в один прекрасный день просверлить, допустим, тоннель от Москвы до Вестминстерского аббатства?

Но русские тоннелей не сверлили. Более того, они повели себя как дураки. В середине двадцатого века русские спецслужбы попались на дезинформацию американцев о том, что ЦРУ якобы ведет обширные исследования боевых аспектов парапсихологии. И собирается использовать экстрасенсов в разведывательных и военных целях.

Умные американцы запустили эту «дезу», чтобы отвлечь силы русских от действительно серьезных программ. Дураки русские навалились на феномен экстрасенсорной перцепции. Но на то они и были русские, чтобы за какие-нибудь двадцать лет создать чудовищную технологию, позже названную «психотронным оружием».

Настоящий экстрасенс, человек с аномальной биоэнергетикой, как правило, не мог в должной мере управлять своим даром, его способности проявлялись далеко не всегда, когда это было нужно. И в русских секретных лабораториях были созданы аппаратные комплексы, воспроизводящие экстрасенсорные феномены по нажатию кнопки. Психотронная пушка могла на огромном расстоянии «подслушивать» любой электронный прибор. Запросто разрушала или подчиняла человеческую психику, убивая или обращая людей в рабство. Могла накрыть своим полем целый город и всем его жителям задать необходимые поведенческие установки. Например, снизить «критику», мешая адекватно воспринимать действительность.

Конечно, русские не были бы русскими, если бы все сделали как надо. Оказалось, во-первых, что управлять пушкой должен специально подготовленный оператор, попросту говоря – довольно сильный экстрасенс. Во-вторых, у пушки была «отдача», и как только машина развивала большую мощность, оператор буквально на глазах сходил с ума. В-третьих, подверг-

нутые зомбированию люди, которых собирались использовать как разведчиков и соглядатаев, недолго оставались рабами машины. Через год-два у них тоже ехала крыша, после чего такого агента оставалось только сдать в клинику, потому что сумасшедшие психотронному воздействию не поддавались в принципе.

Тем не менее работы по психотронике велись в течение десятилетий, и занимался ими целый ряд ведомств. Как и положено, они грызлись между собой, воровали друг у друга технологии и специалистов и умело втирали очки заказчику – верхушке правящей Коммунистической партии. Более того, некоторые результаты от дряхлеющего руководства страны попросту утаили – не без злого умысла, надо полагать.

И, несмотря на все сложности, кое-что было сделано. Заработали несколько «Объектов», контролировавших «взрывоопасные» города. На улицы вышли зомбированные агенты политического сыска. Невидимые лучи искалечили психику сотен инакомыслящих, после чего их принудительно госпитализировали в психиатрические клиники. И более того (тут Вестгейт невольно поежился, задумался на миг и решил-таки в это не верить), был поставлен эксперимент по глубокой коррекции личности. Подопытными кроликами стало несколько тысяч детей. Эксперимент не удался – дети погибли. Такой результат в значительной степени подорвал веру заказчиков во всемогущество новых технологий, и интерес к психотронике стал падать. Но, как и многие бюрократические учреждения, Проект (так основной разработчик психотронного оружия назывался в документах Службы) оказался живуч и протянул еще до начала девяностых годов двадцатого века. На каком-то этапе даже КГБ, люто Проект ненавидевший за бесконтрольность и фашистские методы, пользовался им как пугалом для диссидентов, распуская о нем кошмарные слухи.

Вестгейт прочел о Проекте много разнообразной ерунды, большую часть которой его тренированный ум тут же стер из памяти. Но кое-что дипломатический советник запомнил накрепко. Это было необходимо для понимания сути проблемы, которую ему предстояло решать в Москве. В центре проблемы стоял один-единственный человек, и был он так называемым «форсированным экстрасенсом».

Отбирая себе операторов психотронных установок, Проект составил обширную карту на русских «паранормалов», отделяя зерна от плевел, самородков от шарлатанов. Более того, чтобы облегчить выявление нужных себе людей, Проект в семидесятые-восьмидесятые годы подогрел общественный интерес к аномальным явлениям и экстрасенсорике в частности. А в конце восьмидесятых были созданы даже легальные учебные центры, где завербованные Проектом «кудесники» готовили себе молодую смену.

Параллельно шла работа по искусственному пробуждению аномальных возможностей человека. И тогда впервые было произнесено это слово – «форсировка». Машина, создававшаяся как оружие, в опытных руках могла не только разрушать, но и созидать. Подведомственный Проекту институт подошел к решению этой проблемы вплотную, когда оказалось, что природа уже все доделала за людей.

Несколько подростков, испытавших когда-то психотронное воздействие в рамках неудавшегося эксперимента, выжили. И их мутировавший организм с возрастом начал генерировать энергетику такой мощности, которой пугались даже выдавшие виды операторы Проекта. Совсем рядом с цитаделью Проекта, в Москве, жил и развивал свои аномальные способности полусумасшедший, но чертовски одаренный молодой человек. Он видел сквозь стены (тут Вестгейт про себя расхохотался), мог транслировать эмоции и мыслеобразы другим людям и даже умел (Вестгейт опять засмеялся, уже почти вслух) на расстоянии подчинять себе чужую волю. Талантливого юношу начали склонять к сотрудничеству, но что-то у Проекта с ним не заладилось, потому что молодой человек сначала пустился в бег, а когда его поприжали, стал направо и налево убивать. Дальнейший след его терялся, а потом канул в Лету и сам Проект, но

осталась разрозненная информация, почти неопровержимо доказывающая, что все это было на самом деле.

И теперь эта информация должна была помочь Вестгейту «войти в тему». Потому что именно по этой теме дипломатический советник Вестгейт будет работать в Москве, куда его сорвал экстренный вызов из центрального аппарата Службы.

Вестгейт уничтожил справочные документы, «растворил» программу-дешифратор в структуре остального софта, убрал процессор в кейс и принялся думать и гадать. В Москве он поступал в распоряжение так называемого Отдела специальных проектов, загадочного подразделения Службы, о существовании которого раньше и не подозревал. Как следовало из краткой справки, отдел этот на полном серьезе занимался исследованием аномальных явлений и защитой населения от негативного воздействия оных.

Дипломатический советник Вестгейт терзался раздумьями и сомнениями минут десять и под конец так расстроился, что потребовал сухой мартини. Нарушить график работы глубоко законспирированного агента, выдернув его неожиданно в Москву, Служба могла только по причине серьезного кризиса. С нынешними делами самого Вестгейта кризис никак не мог быть связан, дела эти уверенно шли в гору. Значит, испортилось что-то другое. И починить, что у них там сломалось, мог только он, Вестгейт. Сознать это было приятно. Но почему для решения проблемы он должен работать вместе с явными психами из этого Отдела специальных проектов?.. Вестгейт тяжело вздохнул. Самым обидным было то, что разгадка тайны откладывалась. Из аэропорта Хитроу дипломатический советник Вестгейт летел сейчас вовсе не в Шереметьево-3, а за океан, с посадкой в Джей-Эф-Кей. И еще целый день ему предстояло работать по основной специальности на Американском континенте, стараясь не задумываться, какого же черта его вызвали в Москву.

Наконец Вестгейт окончательно запутался в догадках, спросил еще мартини, выпил и с горя задремал.

Стюардесса, тяжело дыша, подсматривала за ним из-за занавески.

Глава 3

Второе июня, вечер

Усевшись за руль, Игорь первым делом включил навигационную систему и глубоко задумался. Центральный офис Службы со всех сторон окружили дорожные пробки, и нужно было понять, в какую из них умнее влипнуть. Сначала Игорь выбрал затор побольше исходя из того, что именно там сейчас усерднее всего трудятся регулировщики. Но тут оказалось, что в пробке кого-то насмерть задавили и стоять она будет непоколебимо, пока менты не разберутся, кто там прав, а кто виноват. Игорь вздохнул, повернул в замке ключ и рывком бросил машину к выезду из гаража.

Через десять минут он заглушил двигатель, вывел на монитор телевидение, нашел в эфире музыкальную программу, заложил руки за голову и, зевая, принялся ждать. В стоящих вокруг плотной стеной машинах курили, жадно глотали охлажденные напитки и грязно ругались. Впереди две девчонки в открытом джипе без кондиционера и холодильника тоже нашли выход – стянули пропотевшие майки и откинулись позагорать. На бесплатный стриптиз глазели из-за плотно закрытых тонированных окон невольные зрители. Это была по московским понятиям хорошая пробка. Никто в ней не сходил с ума, не дергался, не толкался бампером – людей просто разморило, и все.

В окно справа деликатно постучали. Игорь пригляделся и, удивленно подняв брови, разблокировал дверь.

– Уффф! – выдохнул Лавров, референт и компьютерщик Спецотдела, ныряя в кондиционированную прохладу. Некоторое время он шумно и жадно с наслаждением дышал, глядя на Игоря выпученными глазами.

– Ну как там, за бортом? – улыбнулся Игорь.

– Смерть... – прохрипел Лавров, мотая головой и облизывая губы. Игорь обернулся, разгреб скопившийся на заднем сиденье мусор, откинул крышку холодильника, извлек запотевшую жестянку пива и сунул ее коллеге. Тот благодарно хрюкнул и надолго к банке присосался. Игорь завистливо вздохнул.

– Хххааа... – Лавров смял в кулаке опустевшую банку и не глядя кинул ее через плечо. У Игоря в машине так было принято. – Спасибо, Боец, уважил. А как я тебя вычислил, а?

– Для пешехода неплохо. Ну сиди, остывай...

– Да нет, я по делу, я пойду сейчас. На, держи, – Лавров покопался за пазухой и достал несколько тонких слипшихся листков.

Игорь сначала широко открыл рот, потом внимательно посмотрел на Лаврова, потом уважительно присвистнул. Листки были покрыты бессмысленной внешне неразберихой шрифтов – обычный тест принтера. Но если Лавров их принес, значит, на бумаге было что-то важное. А откуда Лавров это важное украл, Игорь догадывался.

– Как ты это вынес со Службы, Мишка? – спросил он.

– Лучше не спрашивай. Это, Боец, такое ноу-хау, которое не продается. Значит, смотри. Вот строка, вторая снизу, это ключ. Только я тебя умоляю, как расшифруешь, не распечатывай и не копируй. Почитаешь, и все. И стирай тщательно, помнишь, как я тебя учил?

– Помню, помню...

– Дай слово, что сотрешь.

– Миш, да ты...

– Я что сказал?

– Мишель, клянусь.

– Вот так-то.

– Слушай, дружище, раз все так серьезно, может, мне и читать это не стоит?

– Стоит, – улыбнулся Лавров. – Не уверен, что это новая для тебя информация, но... Я бы гадам был последним, если бы ее не спер. Тут мно-ого чего интересного про твоего папулю.

– Ага... – Игорь отвернулся и закусил губу. Руки его аккуратно складывали листки. Он задрал штанину и сунул документ за голенище сапога.

– Понимаешь... – сказал Лавров. – Это новое железо, которое нам поставили, у него возможности фантастические. Это уже не компьютер, это просто черт знает что. И я его малость расшевелил... И случайно пробился на помойку...

– Куда? – переспросил Игорь, по-прежнему глядя в сторону и думая о чем-то своем.

– На помойку. Ты не в курсе, извини. Это такая база данных неопределенного характера. Чисто справочные материалы, и знакомиться с ними не обязательно. Потому что они ничего не проясняют, а неподготовленного человека могут скорее запутать. С ними и не работает никто, наш патрон, например, на помойку не заглядывал ни разу, это точно, я же для него все документы готовлю... Он, наверное, и код доступа забыл. А я этот код того... Нашупал. Ну и давай крутиться, пока не засекли... Видишь ли, Боец, это хоть и помойка, но закрыта она по форме ЭКСТРА. Так что про нее такие легенды ходят...

– И что? Интересно оказалось?

– Не-а, – Лавров отрицательно мотнул головой. – Я тоже на многое рассчитывал, а там... Какие-то обломки каких-то архивов. Действительно неопределенного характера. Я просто ничего не понял. Но вот это, – он протянул руку и щелкнул пальцем Игоря по штанине, – произвело на меня впечатление. Надеюсь, и тебе... понравится.

– Значит, про отца... – пробормотал Игорь задумчиво.

– Да там про всех, – непонятно ответил Лавров. – Ладно, Боец, пойду я. Ты звони если что.

– Спасибо, Миша, – сказал Игорь. – Сам знаешь, за мной не пропадет. Как минимум с меня литр.

– Да, ты уж не стесняйся, – усмехнулся Лавров, хлопнул Игоря по плечу и ловко вынырнул из машины.

Игорь проводил его взглядом, достал сигареты, сделал музыку погромче и, закурив, принялся рассматривать загорающих девиц. Пробка стояла с упорством, достойным лучшего применения. В сапоге зудела краденая информация.

Дома Игорь первым делом залез в холодильник и, с сожалением отпихнув в сторону пиво, вытащил банку апельсинового сока. Алкоголь Игорю был сейчас противопоказан, он все еще восстанавливался после энергетической атаки.

Клякса, маленький черный мячик, вертелась под ногами, демонстрируя восторг и норовя запрыгнуть в руку. Игорь поймал ее и пустил гулять под рубашку. Но клякса тут же прилипла к солнечному сплетению и затаилась на животе хозяина, толчками вбрасывая в поврежденную ауру тепло и покой.

В кабинете Игорь зарядил документ в сканер и, как только информация была считана, бросил листки в утилизатор. Запустил дешифровальную программу, ввел ключ и, прихлебывая из банки, принялся ждать. Документ оказался небольшим, и когда на мониторе возникли первые слова, Игорь жадно впился в них глазами. И понял, что Лавров не ошибся. Непосвященному человеку, даже эксперту Службы, документ с «помойки» не был нужен. А вот Игорь в нем нуждался, и весьма. Потому что документ касался его, Игоря, лично.

Категория: ЭКСТРА

Тип: документ

Характер: стенограмма

Тема: форсированные экстрасенсы

Принадлежность: выборка из стенограммы выступления первого заместителя директора Федеральной Контрольной Службы П.С.Богданова на диспуте-семинаре для работников центрального аппарата.

ДОКЛАДЧИК: ...общество не любит тех, кто выделяется. Это закон. Любые заметные отклонения от среднего уровня должны быть ликвидированы. Выродки и мутанты обществу ни к чему.

Правило «выбраковки» лежит в подсознании человека с доисторических времен. И если взрослая особь уверяет, что это неправда, – она врет. Потому что, будучи ребенком, она яростно клевала сверстников – «слишком умных», «слишком глупых», а также с дефектами речи, заячьей губой и так далее. Ребенок не разбирает, кто ты – вундеркинд или debil, генетический урод или жертва родовой травмы. В вопросах «выбраковки» ребенок безукоризненно честен. Исполняя правило волчьей стаи, он старается пресечь отклонение от нормы.

Но если «отклонившийся» все-таки выживет, у него будет в сто раз больше шансов реализоваться, чем у самых здоровых и самых нормальных.

К сожалению, иногда власть в обществе захватывают личности, по своим реакциям на «чужого» не отличающиеся от детей. И сейчас мы можем почти со стопроцентной уверенностью заключить... (оживление в зале). Ну не сто, ну девяносто пять процентов. Господа, давайте смотреть правде в глаза. У нас есть свидетельские показания, у нас есть вполне убедительные факты. Хотите вы того или нет, в нашей стране была осуществлена попытка массовой «выбраковки». Причем велась она с опережением. Были выработаны определенные критерии, и по ним выделено около пяти с половиной тысяч потенциальных лидеров оппозиции.

Я не могу назвать точной даты, но это произошло где-то между 1980 и 1985 годами. Все объекты находились в возрасте от десяти до тринадцати лет... (шум в зале). Да это же элементарно, господа! Мне достаточно один взгляд на любого из вас бросить, чтобы сказать, кем вырастут ваши дети. Не вижу, где заведующий отделом психологических исследований? Петя, скажи ты им...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Господа, он прав... (шум стихает).

ДОКЛАДЧИК: ...вы меня удивляете. Мы это делали не раз, только с обратным знаком. Глубокая коррекция личности – элементарная вещь. Она успешно проводится даже оперативными методами.

Но в случае, который мы рассматриваем сейчас, задачи были поставлены масштабные. Как все задачи, которые ставила партия. И в ход была пущена гиперпространственная психотронная пушка. Ее поздняя модификация стояла потом на московском Объекте. Разумеется, этот прибор был экспериментальным, не отлаженным в должной степени, и программа фактически сорвалась. Потому что из всех прошедших обработку детей до шестнадцати лет дожили только пятеро. Остальные скончались, как правило, от внезапного обострения хронических заболеваний.

Но те, кто выжил, отлично подтверждают мой тезис о самореализации «отклонившихся от нормы». Почему я так настаиваю на этом? Дело в том, что они сами по себе были необычные люди. Они раскрылись бы все равно, так или иначе. Но когда в их жизни вмешалась «Программа Детей», самореализация пошла по совершенно иному пути. Но с не меньшей силой. Вот, давайте посмотрим. Кто они вообще были и кем они стали?

Тимофей Костенко слегка картавил и с детства был «слишком умный». И за то, и за другое он получал по шее. Но когда он вырос, ему на эту самую шею начали буквально вешаться невероятно красивые и редкостно умные девушки, с которыми он, кстати, обращался безоб-

разно. А вот друзей-мужчин у него не было вообще. К двадцати трем годам он стал самым жутким пугалом за всю историю человечества. Еще мы в курсе, что он человечество спас. А одна девушка из-за него погибла.

Виктор Ларин не имел внешних дефектов, скорее наоборот, но тоже был «умный». Вдобавок он был наглый, заносчивый, склонный к эксцентричным поступкам и иногда неоправданно жестокий. Побить его удавалось только превосходящими силами, но желающих всегда было хоть отбавляй. У него девушки были еще красивее, чем у Костенко. Одну из них он очень жестоко подставил. Фактически он ее убил. Во имя высшей цели. Когда ему было тридцать один, он опять-таки спас наш мир.

Александр Малышев, худой и невзрачный, носил очки и был интеллектуалом до мозга костей. Школьные учителя его просто ненавидели, не говоря уж про одноклассников. Девушек у него не было вообще. Зато он был гениальный ученый и шел на Нобелевку. Возможно, он тоже спас бы человечество от чего-нибудь, если бы не раковая опухоль, оборвавшая его жизнь в сорок два.

Лариса Захарова была ярко выраженная еврейка, что уже само по себе трагедия для многих родившихся в СССР. Надеюсь, наше с вами поколение станет последним, которому не нужно объяснять, что я сейчас имел в виду. Но и у Ларисы после шестнадцати отбоя не было от поклонников и намечалась интересная карьера. Что не помешало ей к двадцати семи годам дважды пройти курс лечения от алкоголизма и одной морозной ночью умереть от переохлаждения на улице. Прежде чем пристраститься к бутылке, Лариса успела проявить блистательный литературный талант. Но не судьба.

Игорь Волков в детстве носил очки и слегка заикался. И то и другое ему вылечили, но «закон выстраковки» он успел выучить на зубок. Все у него потом стало как положено – яркие женщины, хорошие заработки, необычная работа. У названных выше четверых, людей интересных, по-своему блестящих, что-то в жизни обязательно не сложилось, несмотря на все предпосылки. А Волков оказался просто образцом гармонии. Отличная семья, дом – полная чаша, профессиональный успех. Только вот когда ему стукнуло тридцать шесть, он скрылся в неизвестном направлении.

Легенда гласит, что в файле 028 – личном деле Тима Костенко – он записан как объект «Стальное Сердце». К сожалению, файл был уничтожен, и мы вряд ли теперь узнаем, так ли было на самом деле. Конечно, это странное и не очень удобное для работы с человеком имя. Но, во-первых, имена Детям придумывали не оперативники, а ученые. А во-вторых, говорят, что Хананов, руководитель «Программы Детей», был по-своему влюблен в Тима и прочил ему великолепное будущее. А Костенко был – или благодаря Программе стал? – действительно очень мягкий, ласковый и совершенно бессердечный человек. И как-то одной девушке заявил: «Не пытайся меня разжалобить, у меня сердце стальное». В это время шла очередная плановая регистрация Детей, и растроганный Хананов записал в файле такое вот заковыристое рабочее имя. Местонахождение Костенко сейчас неизвестно. Неизвестно также, жив ли он.

Виктор Ларин, файл 105, нам известен как Мастер. Его дело сохранилось, и мы можем проследить, откуда взялось такое имя. В шестнадцать лет он пытался написать книгу и параллельно имел роман с некой Маргаритой. Как видите, особой фантазией руководство «Программы Детей» не отличалось. Писателем Ларин не стал. Но десять лет спустя подчиненные отождествили его с персонажем фантастического романа. Когда Ларин стал командиром Охотников, его прозвали «Мастер собак». Местонахождение Ларина сейчас неизвестно. Неизвестно также, жив ли он.

Александр Малышев в файле 200 был записан как Малыш. Да он и был невелик собой. Это наименее мифологизированный персонаж в пантеоне Детей. Развитие его во всех отношениях было прямолинейным и начисто лишенным романтики. Разумеется, если не считать

трагедией историю его борьбы за жизнь. Малышев похоронен на кладбище городка Массачусетского технологического института, США.

Лариса Захарова, файл 117, так и осталась Лариса. Мы полагаем, что ее Хананов «проморгал». Показания Самохина, научного директора сектора «Ц», согласно которым Ларису целенаправленно пробовали «на излом», представляются надуманными. У всех пятерых выживших Детей была отмечена повышенная тяга к алкоголю – а Лариса никогда не отличалась способностью контролировать себя. Похоронена в Москве.

Я рискну сейчас употребить этот термин – «герои». Эти четверо были ярко выраженными героическими личностями. Они постоянно боролись. Костенко воевал с психотронным террором и победил. Ларин охотился на зомби-мутантов и закрыл им дверь в наше измерение. Хочется надеяться, что навсегда. Малышев сражался с болезнью. Он выдержал столько курсов лечения, сколько не перенес никто. А Лариса боролась в основном с собой. Точнее, со своей паранойей. Но тоже делала это яростно.

И согласитесь, при всем разнообразии вариантов, включая летальный исход, судьба четверых названных выше сложилась относительно счастливо. Искалечившая их жизни Программа не бросила Детей на произвол судьбы.

Костенко, самый талантливый из всех, уже в тринадцать лет проявил дар сенса. С тех пор его «вели» постоянно, готовя к роли оператора крупнейшей в России психотронной установки. В двадцать он был против своей воли форсирован. К сожалению, Хананов, назвав его Стальное Сердце, не почувствовал, насколько это имя верно.

Ларин тоже обладал некоторыми пси-способностями. Однако его независимость, почти болезненная, ставила под большой вопрос саму возможность сотрудничества на добровольной основе. К тому же на момент развала «Программы Детей» Ларину едва исполнилось двадцать. Он так и не был форсирован, а его личное дело передали в параллельную структуру. Тем не менее он не был совсем забыт и постоянно наблюдался экспертами Института.

Малышу и Ларисе, признанным бесперспективными, были поставлены блокировки, и они прожили в принципе нормальную жизнь, так и не осознав себя мутантами.

Особый случай – Игорь Волков, файл 116, записанный как Волк. Он тоже попал в аутсайдеры Программы. Несмотря на то что ему удалось выжить, энергетический потенциал Волка оказался невысок и почти не давал себя знать до достижения объектом двадцати пяти-двадцати шести лет. Волка забыли и «упустили». А позднейший разгром двух ведомых Ханановым программ, учиненный Тимом Костенко, только осложнил ситуацию.

В итоге в центральном аппарате Федеральной Контрольной Службы оказался один из Детей, находящийся в кризисной стадии развития. Никто не знал, кто он такой на самом деле. Никто не мог оказать ему помощи.

Он был лишен элементарной психологической и медицинской поддержки. Остро переживающий свое одиночество и не понимающий его природы, мучимый неосознаваемыми комплексами, Волк стремительно мутировал. Прорыв наступил, когда ему было тридцать пять. Примерно в течение года Волк втайне исследовал и развивал внезапно открывшиеся способности форсированного экстрасенса. И еще – он собирал информацию.

И еще – героем он точно не был. Это я вам говорю как человек, который много лет работал с ним бок о бок. Тем не менее сейчас мы сидим здесь, а он – неизвестно где.

Нет архивных записей, которые помогли бы сегодня реконструировать беседу между Волком и тогдашним директором ФКС, состоявшуюся двадцать два года назад. Но через сутки Волк исчез.

Отдел психологических исследований разработал по крайней мере десять возможных моделей – при желании вы можете ознакомиться с ними. Но скорее всего истинных мотивов поступка Игоря Волкова мы не узнаем, даже если нам удастся войти с ним в контакт. Он почти наверняка жив, и оперативный отдел пытается его локализовать.

Но главная проблема контакта с Волком отнюдь не в том, что он скрывается. Рано или поздно мы его локализуем. Вопрос в другом. Я сейчас рискну высказать предположение. Все мы, присутствующие здесь, фактически люди одного поколения. Его ровесники. Что мы знали о Федеральной Контрольной Службе двадцать лет назад? Мы все занимали рядовые должности и не были допущены к документам особой секретности. Только получив допуск ЭКСТРА, мы начали поднимать архивы и обнаружили, что их фактически нет! Чем в действительности занималась ФКС тогда, на заре нового века и нового тысячелетия? Мы просто не знаем. И в связи с этим у меня есть предположение.

Все вы, наверное, читали доклады научного отдела о способностях форсированных сенсов. Сейчас таких людей нет, их, мягко говоря, не делают. Но когда-то они были. И одним из них был Волков. И я полагаю, господа, что он узнал, или почувствовал, или назовите, как хотите... Короче говоря, у него был веский повод податься в бега. Мы всегда считали, что ужас, от которого он бежал, был внутри его. Сегодня я заявляю – нет! Скорее всего этим ужасом была Служба.

Поэтому сегодня я предлагаю активизировать усилия по поиску Волкова. Как минимум, чтобы загладить несправедливость. Здесь, в этом зале, есть несколько человек, которые до сих пор считают себя его друзьями. У нас действительно за этого человека болит душа. Я предлагаю вступить с ним в контакт хотя бы для того, чтобы извиниться. И объяснить, что Служба больше не представляет опасности ни для кого на этой планете. Мы построили самый эффективный механизм контроля за общественным благом. А то, что он имеет форму секретного агентства, что ж... Служба гуманна, и Волкову нужно это объяснить. А когда он поймет – уверяю вас, два против одного, что он вернется. И у нас на Службе будет единственный в мире форсированный сенс. Согласитесь, это совсем неплохо. Откроются перспективы, о которых сейчас просто нет смысла говорить. Но это будет серьезный прорыв. Как видите, я не взываю к чувствам. Насчет чувств я с ним сам договорюсь, это наше личное дело. А в целом я за прагматический подход. В интересах Службы и человечества. Спасибо, у меня все. Слушаю вас.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: Принимаются ли сейчас меры по локализации Костенко и Ларина?

ОТВЕТ: За этими двумя до сих пор гоняются, похоже, все разведки планеты. Дело в другом – нет четкой уверенности, что они живы.

ВОПРОС: Правда ли, что рабочая версия по Костенко построена на том, что он живет за пределами Земли?

ОТВЕТ: Мы подозреваем, что инопланетный разум существует... (шум в зале, смех, аплодисменты) ...но у нас слишком много сомнений для того, чтобы строить подобные рабочие гипотезы. Мы исходим из того, что Костенко на Земле. Хотя околопланетное пространство сканируется. Но с другими целями, скорее оборонного характера.

ВОПРОС: Не рассматривается ли возможность продолжения исследований по психотронике?

ОТВЕТ: Категорически нет. Эти исследования потенциально опасны для человечества. Вспомните кризис, разрешенный Лариным. Нельзя. Просто нельзя.

ВОПРОС: Что у зарубежных конкурентов?

ОТВЕТ: Ничего. Во-первых, Россия в прошлом – мировой лидер по разработке систем воздействия на массовое сознание. В ближайшие двадцать-тридцать лет никто даже в теории не приблизится к тому, что мы наворочали в период с 1980 по 1991 год. А во-вторых, они и не пытаются. Мы им не даем.

ВОПРОС: Аппаратура для «промывания мозгов» как-то связана с пси-технологиями?

ОТВЕТ: никоим образом. Повторяю: пси-технологии под строжайшим запретом. Даже простейшие биоэнерготехнологии развиваются только под нашим контролем и для наших внутренних нужд. А «промывка» – это дистанционная нейрохирургия.

ВОПРОС: Почему вы так уверены, что Волков пойдет на контакт?

ОТВЕТ: Я не уверен, что это будет просто. Но у нас есть для него очень хорошая приманка.

Крепко сжав зубы, Игорь набрал на киборде длинную команду. Несколько секунд его палец висел над клавишей ввода. Потом Игорь закрыл глаза, опустил палец и безвозвратно уничтожил документ. Вытащил кляксу из-под рубашки, мягко сжал в кулаке и приложил к горячему лбу. Клякса тепло и уютно пульсировала. Компьютер, перезагружаясь, тихо похрустывал. Кто-то совсем рядом неприятно сопел и шмыгал носом, и Игорь вдруг понял, что это он сам.

Двадцать лет из своих двадцати семи Игорь прожил без отца. И как минимум десять лет целенаправленно собирал информацию о том, кто же он был, этот Игорь Волков, почему разошелся с его матерью, куда пропал и при каких обстоятельствах впоследствии умер.

Около года назад Игорь пришел к неожиданным выводам. У него зародилось подозрение, что его отец скорее всего порвал с семьей и работой не по своей воле. И, вероятно, до сих пор жив.

Для офицера Службы и сына офицера Службы это было не самое приятное открытие.

И целый ворох еще менее приятных открытий обрушил на Игоря ворованный документ.

Глава 4

Третье июня, утро

– Как жаль, что ты уезжаешь так рано, – пробормотал Томми, сосредоточенно изучая меню. – Могли бы завтра выбраться на пикничок. Выходной все-таки. Слушай, Алекс, у тебя бывают выходные? Знаешь, Сэмми, наш Алекс настоящий трудоголик. Носится по планете как безумный, оставляя за собой тысячи разбитых сердец.

– Да? – Сэмми, его жена, обворожительно улыбнулась. – В это нетрудно поверить. Я имею в виду сердца.

Вестгейт улыбнулся ей в ответ, мягко и чуточку смущенно. – Не обращайтесь внимания, милая Саманта, – сказал он. – Старина Том делает мне рекламу. И никакой я не трудоголик. Просто Форин-Оффис считает почему-то, что, если послать меня готовить переговоры, они пройдут успешно для нашей стороны. У нас на Островах все еще верят в приметы.

– И правильно, – кивнул Томми. – В прошлый раз, Сэмми, он этих ребят в здешнем министерстве просто околдовал. Наш Алекс всех околдовывает. Даже секретаршу посла.

– Не может быть! – рассмеялась Сэмми.

– Может, может. – Томми небрежным жестом подозвал официанта и заговорил с ним по-французски.

– Сам он трудоголик, – сказала пренебрежительно Сэмми. – Торчит в своем постпредстве все вечера напролет, приезжает чуть ли не к полуночи. А я гуляю одна по Манхэттену. Смотрю и не могу насмотреться. Волшебный остров. Эта архитектура, ее вид меня завораживает. Алекс, вам нравится смотреть на Манхэттен?

Вестгейта при упоминании Манхэттена чуть не передернуло. Он был однажды у Томми дома и мог представить себе излюбленный маршрут Сэмми. Впрочем, Сэмми была неудавшимся архитектором. По словам Томми – закономерно неудавшимся. Эклектика Манхэттена наверняка ее восхищала.

– Смотреть? Конечно, нравится, – сказал он. – Особенно издали.

Вестгейт сделал глоток аперитива, расслабленно откинулся на спинку кресла и на секунду прикрыл глаза. Он устал. Час назад он закончил работу здесь, в Нью-Йорке, и теперь без малейшего сожаления прощался с этим безумным городом. Вестгейт не любил Америку, дешевую, аляповатую и плебейски самодовольную в своем бескультурье. Ему в Америке не нравилось решительно все, и население в том числе. Он презрительно называл местных «ковбоями» – за глаза, конечно. И от души жалел Тома, вынужденного жить среди них уже который год. По мнению Вестгейта, Америка в больших дозах на любого человека действовала отупляюще. Том деградировал здесь настолько, что даже женился на американке. Хотя Сэмми, нужно отдать ей должное, была чертовски хороша.

– А куда вы теперь, Алекс? – спросила она вдруг.

Вестгейт открыл глаза. Да, Сэмми производила впечатление.

– В Россию, Саманта. В Москву.

– Ой! – воскликнула Сэмми. – Не может быть! Какая прелесть!

Томми царственным жестом отпустил официанта и повернулся к Вестгейту.

– Да, – сказал он. – Завидую. Мы давно уже собираемся, да вот дела все... Слушай, Алекс, ты же все-таки русский. Куда там...

– Русский?! – перебила Сэмми, глядя на Вестгейта расширенными от восторга глазами. – Не может быть!

– Смени пластинку, радость моя, – посоветовал Томми. – Что ты заладила – «не может быть, не может быть». Русский он по матери, разве не так?

– Не только по матери, – улыбнулся Вестгейт. – Я и по отцу русский. Но я был совсем еще ребенком, когда мама переехала в Лондон...

– Вот она, русская культурная экспансия! – ввернул Томми.

– ...так что воспитывали меня как стопроцентного англичанина. Конечно, ничего из этого не вышло. Но вот парадокс, Саманта, – на Островах меня считают нормальным англичанином. А в России принимают как иностранца. Хотя в этом году я провел дома только два месяца, а в Москве целых три.

– Так вы, должно быть, отлично говорите по-русски! – воскликнула Сэмми. – Ой, Алекс, а скажите что-нибудь!

– Какая же ты прелестная дурочка, – сказал Вестгейт по-русски, глядя Сэмми прямо в глаза. – Пожалуй, я тобой займусь.

– А что он сказал? – спросила у мужа Сэмми громким шепотом. Томми довольно заржал:

– Готов поспорить, он сказал, какая ты прелесть!

Вестгейт заметно смутился и заговорщически подмигнул Сэмми. Почти не желая того, машинально, он уже вводил себя в привычное «рабочее» состояние. Эта молодая женщина на самом деле понравилась ему. А Томми... Он ничего не поймет.

Обед удался на славу. Они вкусно поели и основательно выпили. Разговор тек легко и непринужденно. Томми вынудил-таки гостя рассказать, на что в России нужно посмотреть в первую очередь. Потом беседа автоматически перетекла на «русскую культурную экспансию». Затем Томми начал пространно излагать свое видение «русской идеи». Вестгейт поддакивал. Сэмми откровенно забавлялась. Всем было хорошо. Вестгейт с удовольствием выпил еще, потом еще, и ему стало просто замечательно. Он критически оглядел Сэмми с ног до головы и тут же потерял над собой контроль.

Близкое присутствие хорошенькой женщины, как всегда, возбудило какой-то неведомый центр у него в мозгу, который задействовал профессиональные качества. И сейчас они были направлены на производство маленького чуда для себя. Старина Томми и сам не подозревал, насколько был близок к истине, говоря, что Вестгейт кого-то «околдовал». Каждый раз, стоило Вестгейту разбудить в себе профессионала и привлечь немного воображения... Здесь нужна была только уверенность в себе – колдовство начиналось, и чудо случалось. И он заполучал любую женщину, чему после не переставал удивляться сам.

Вот так и сейчас, слушая рассуждения ее мужа, сидящего за тем же самым столиком, он кивал в такт головой, вставлял короткие фразы, и одновременно рука с сигаретой уже покачивалась в соответствии с дыханием Сэмми. Так начиналась подстройка к ее миру, легкая и изящная, направленная на зарождение в женщине чувства неосознанного доверия к нему, Игорю Александру Вестгейту, красивому, стильно одетому, умеющему очаровательно смущаться и прячущему за этим смущением какую-то загадку. Необычному человеку. Возбуждающе таинственному. Русскому, наконец.

«Теперь надо привлечь ее внимание к разговору, вовлечь в него и послушать, как она говорит и чем интересуется, – напомнил себе Вестгейт. – А она отвлеклась, о своем задумалась. Женщина! Впрочем, Томми кого хочешь замучает своими разглагольствованиями. Старый добрый верный Томми. Прекрасный аналитик, толковый советчик, надежный партнер. А жена его просто чудо».

– Я не согласен, Томми, – сказал Вестгейт. Сэмми перевела на него рассеянный взгляд. – Русская идея в своей основе не претерпела никакой ревизии. Ты пойми, это ведь идея не о чем-нибудь, а об особенностях русской души. Так что, какие бы социально-экономические изменения ни происходили, идея остается прежней. И работает, Томми, работает! Я тебе сейчас это докажу. На примере выборки из социума...

– Н-да? Это уже интереснее! И на какой же?

– Да на какой угодно! Например, можно на женщинах! – Слово «женщины» Вестгейт выделил интонацией, более мягкой, ласкающей, и реакция Сэмми не замедлила явиться: взгляд ее стал осмыслен, лицо слегка напряглось. Она улыбнулась. «Знает свою поло-ролевою принадлежность», – слегка позлорадствовал Вестгейт.

– А вы как думаете, Саманта?

Сэмми возвела глаза вверх и вправо. Вестгейт среагировал на это движение мгновенно:

– Вы уже смогли нарисовать русскую женщину в своем воображении?

– Да. – Лицо ее изобразило легкое недоумение. – Я представила себе русскую женщину, ясно и отчетливо. Такую круглолицую, несколько полноватую, очень такую домашнюю, пахнущую кухней... И американку, подтянутую, спортивную, немного жесткую и очень уверенную.

– Ну это поверхностный взгляд, – ласково улыбнулся Вестгейт. – Давайте, друзья мои, заглянем внутрь и посмотрим, что нам скажет внутренний голос. Что он говорит, Том?

– Он молчит, – сказал Томми и потянулся к бокалу. – И нечего смеяться. Как сказал ваш русский классик: «Чего хочет женщина – того хочет бог». И правильно. Пусть хочет, чего хочет, и нечего ей мешать. Женщина, Алекс, – это загадка. Во всяком случае, для меня. Я свою-то жену собственную не могу сказать, что знаю. Вот увлекается Сэмми розами. Сама их разводит, сажает, подстригает и черт знает еще что с ними делает, времени на это уходит уйма. Но ничего, мне нравится – красиво...

– Ну вот и пожалуйста, – сказал Вестгейт. – Ты хорошо знаешь, как заботится Саманта о том, что ей нравится, что ее радует. А скажите мне, дорогая Саманта, что было бы, если б вы увидели, как кто-то страшный, огромный, свирепый бросается и начинает топтать, срывать и всеми доступным способом уничтожать ваши розы?

– О! – Глаза Сэмми изумленно расширились. – Ну... Я бы была в шоке. Но я думаю, что я смогу убежать и спрятаться. Чтобы не видеть этого безобразия и остаться незамеченной.

– Вот оно, разительное отличие! Русская женщина отстаивала бы в подобной ситуации свое достоинство, свое сокровище, отраду своих очей, чего бы ей это ни стоило. Она бы кричала, производила бы столько шума и внешне настолько напоминала бы фурию в своем гневе, что повергла бы нападающего в бегство. Как сказал другой наш классик: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Так же и в любви, для нее нет предела, если женщине понравился мужчина... – С этого момента Вестгейт заговорил медленнее, плавнее, в его речи стали возникать почти незаметные паузы, а интонация зафиксировалась, оставаясь все время неизменной. Вестгейт работал. Колдовство уже творилось вовсю.

– ...то когда она сидит напротив него... и видит... его... прямо... перед собой... то слыша его голос... взгляд ее туманится... и она расцветает, как роза... когда ею любят... Как роза тянется к солнцу... так и она всеми силами стремится преодолеть расстояние... чтобы прекрасное открылось ей в своей первозданной наготе... и мир взорвался яркими красками... в соприкосновении и слиянии с неизведанным, что долго и неосознанно желалось... и непременно завтра же, – тут Вестгейт под столом легонько коснулся бедром платья Сэмми. Зрачки женщины были по-прежнему расширены, а дыхание слегка замедлено. Вестгейт удовлетворенно отметил, что все идет как надо, и продолжил речь все так же плавно: – ...как роза, свежая и прекрасная, и только вместе... и вы забываете все.

Резкий, как бы режущий жест руки Вестгейта сопровождал последние слова. Он перешел на другой темп речи, и голос его стал обычным, чуть более резким по тембру и разнообразным по интонациям.

– И так же, как и женщины, любой тип человека в России доведен до логического совершенства, – сказал он. – И любая поведенческая реакция. Если ругаться, то с упоением, если любить, то тоже с упоением. Пресловутая русская душа никогда не дает русским делать что-либо наполовину из того, что хочется, а если чего не хочется, то пиши пропало. На Западе же все продумают, взвесят и уже потом делают, а русский человек поступает обычно в порыве

чувств. Делает или вовсе не делает, главное, что думает он уже потом, и себя оправдывает почти всегда.

– Черт возьми! – сказал Томми, глядя в опустевший бокал. – Что-то я... Друзья мои, а час-то поздний! Не пора ли нам? Да? Нет, Алекс, сегодня плачу я. Банкет за счет принимающей стороны... Эй, гарсон!

Вестгейт твердо рассчитывал на то, что Томми задержится в ресторане, и тут же вызвался проводить Сэмми до машины.

На ступенях ресторана Вестгейт отдал служащему номерок от автомобиля. Встал рядом с Сэмми. Точно так же, как и тогда, под столом, коснулся бедром ее бедра и, увидев характерную реакцию замедлившегося дыхания и расширившихся зрачков, твердо, в прежнем нарабатанном темпе, сказал:

– Когда завтра в восемь вечера вы пойдете гулять... будете просто идти, делая шаг за шагом... предчувствуя радость... выйдете к бару «Джойс», войдете, закажете себе выпить и пробудете там до десяти. – Он снова резанул воздух ладонью, пронаблюдал ожидаемую реакцию и продолжил: – Жаль, что сегодняшняя вечер закончен, вы такая увлекающаяся и страстная женщина, Саманта, так вдохновенно рассказывали о розах, что увлекли даже и меня.

Сэмми удивленно моргнула, но затем улыбнулась и произнесла:

– Не знаю, много ли я успела наговорить сегодня, но в следующий раз про розы я вам расскажу непременно, – она снова улыбнулась странной заигрывающей и слегка ошеломленной улыбкой.

Служитель подогнал машину. Вестгейт дал ему на чай, открыл дверцу, усадил Сэмми и вздохнул.

Он неожиданно протрезвел. И ему стало... не стыдно, нет. Просто в душу заползла щемящая тоска одиночества. Привычное ощущение пустоты и бессмысленности всего на свете. Пустота была внутри и снаружи, и никакой Сэмми не было дано ее заполнить.

Завтра в предвкушении чуда, помня лишь, что она для Вестгейта увлекающаяся и страстная женщина, Сэмми придет в бар «Джойс» чуть позже восьми. К сожалению, Вестгейт этим воспользоваться не сможет, а она лишь поймет, что решила немного посидеть со стаканом мартини.

И что-нибудь да произведет на нее неизгладимое впечатление.

– Ты что, старина, перебрал? – спросил Томми, подходя к машине. – Какой-то у тебя видок... Потусторонний. Точно говорю, последний бокал ты выпил напрасно. Зря.

– Да, – кивнул Вестгейт, но только не Томми, а своим мыслям о том, что произошло сейчас. – Понятия не имею, зачем я это сделал.

– Эй! – сказал Томми обеспокоенно. – Ты в порядке? Садись в машину, дружище. Поедем.

Вестгейт поднял на Томми глаза, устремленные куда-то внутрь.

– Станный я человек, Том, – сказал он горько. – Вечно мне чего-то не хватает. Начинаю искать. И каждый раз, как доберусь до этого «чего-то», гляжу – а это совсем не то, что нужно.

– Философ! – усмехнулся Томми. – Жениться тебе надо. Садись, поехали.

– Дай-ка мне еще сигарету, – попросил Вестгейт. – И поезжай. Я, пожалуй, немного пройду. А потом возьму такси.

– Уверен? А то...

– Уверен, – сказал Вестгейт. Он действительно не чувствовал ни малейших угрызений совести. Но сестра в машину рядом с Сэмми почему-то оказалось выше его сил.

На работу Игорь прибыл в чрезвычайно дурном расположении духа. Он так и не смог переварить до конца полученную вчера информацию и совершенно не представлял, как ему теперь себя вести. То есть держать себя с окружающими нужно было по-прежнему. А вот что делать, чтобы новое знание не прорвалось наружу, он пока не придумал. Очень уж это знание оказалось неуместным. Игорь и сам не предполагал, что будет чувствовать, если подтвердятся давно возникшие у него подозрения.

А почувствовал он только страх. Элементарный страх за свою жизнь.

Глядя под ноги, Игорь сунул в турникет пластиковую карточку и шаркающей походкой затасил неподатливое тело на Службу.

– Игорь! – раздался из дежурки полный облегчения возглас. – Доброе утро!

– Сомневаюсь, – ответил Игорь, с трудом поднимая глаза на знакомого сержанта. – И чего в нем доброго?

– Ты пришел, – объяснил сержант. – Давай сюда!

– Что такое?! – Игорь машинально набылчился и привычно упер руки в бока.

– А то, что тебя второй час ищут, вот что! У меня уже лычки с погон сами отстреливаются... – проворчал сержант, нажимая кнопки на своем терминале. Про лычки он шутил. Игорь отлично знал, что сержант на самом деле как минимум капитан, а его помощник с погонами рядового, меланхолично кивающий в такт словам командира, – лейтенант. Центральный офис Службы упорно маскировался под статистическое управление.

– О господи... – пробормотал Игорь, заходя в дежурку и стараясь унять предательскую дрожь в ногах. Он все еще не был готов разговаривать с людьми, которые знали, что он – сын Волкова. Когда выходил из дома, думал, что готов. А оказалось – нет.

– Леночка, он пришел, – сообщил терминалу сержант-капитан. – Что мне ему сказать?

– Ну-ка, пусть мне покажется, гад такой! – раздался в динамике звонкий девчоночий голосок.

При звуке этого голоса Игоря затрясло буквально с ног до головы, но он послушно вполз в поле зрения камеры.

«Только не бежать! – приказал он себе. – Побегу – могут подстрелить, и тогда все, конец, тут же заработаю промывание мозгов. Проклятье! Неужели Лавров все-таки засветился с этой кражей?»

– Боец! – позвала «Леночка», она же первый референт директора Службы. – Ты в порядке?!

– Ну... Не очень, – промямлил Игорь, припоминая колоссальный список былых своих прегрешений и терзаясь надеждой – а вдруг это не Лаврова поймали, а всплыло что-то другое, не такое опасное для жизни?

– А в чем дело? – озабоченно спросила Лена. – Тебе все еще дурно? Что же ты...

– Да не! – отмахнулся Игорь сварливо. – Погода замучила.

– Ах, погода! – саркастически обрадовалась Лена. – Боец, ты вообще знаешь, который час на дворе, а?

– Ну полдвенадцатого.

– А во сколько надо на работу приходиться?

– Ну...

– Нет, ты мне скажи, во сколько?!

– Лен, я сегодня пришел на полчаса раньше обычного.

– Игорь, милый, ты понимаешь, что Папа тебя заказал на девять тридцать? И я тебя, негодяя, уже третий час покрываю! Что у тебя с телефоном?!

Игорь отстегнул от пояса телефон и собрался было разыграть пантомиму, но сержант моментально выхватил трубку у него из руки и принялся ее придирчиво обнюхивать.

– Постыдился бы, – сказал ему Игорь строго.

– Леночка, а он ведь сломан у него! – радостно воскликнул сержант.

– И как он это сделал? – поинтересовалась Лена. – Давай, Боец, рассказывай! Я тоже так хочу...

– Лен, – сказал Игорь тоном, не терпящим пререканий. – Кончай этот спектакль. Я виноват. Я приношу тебе извинения. Но сломать наш телефон невозможно. Он может сломаться только сам. Я сейчас пойду в оружейку и его поменяю.

– Тьфу! – раздалось из динамика. – Через пятнадцать минут чтоб был в приемной! Никуда по дороге больше не заходи, у себя в отделе не отмечайся, иди прямо ко мне. Понял? Это приказ! И запомни, даром тебе это не пройдет!!!

– Он будет, Леночка! – проблеял сержант. – Мы проследим!

– А ты, Карпухин, за него не заступайся!

– Да я...

– Боец, ты понял меня?!

– Так точно. Никуда не захожу, у себя не отмечаясь, к тебе прибыть в одиннадцать сорок пять.

– В гроб ты меня загонишь, – сообщила Лена и отключилась.

Игорь с сержантом крепко пожали друг другу руки. Помощник дежурного зажимал рот ладонью и усиленно моргал.

– Ты чего натворил? – спросил Игоря сержант.

Игорь прищурился. Он все никак не мог понять, что происходит. Ему уже приходилось бывать у директора Службы, но никогда его не вызывали вот так – внезапно и с явным нарушением режима.

– Не знаю, – честно признался он. – За мной уже столько всего числится, что я понятия не имею, какая такая история наверх просочилась.

– Между прочим, твой Спецотдел еще не в курсе, что тебя ищут, – заметил сержант. – Ленка именно мне приказала тебя отловить. И не по связи, а лично приказала, когда на работу пришла. Так что ты действительно топай прямо к ней. Дело серьезное.

– Ничего себе... – пробормотал Игорь. Все это время голова его работала с бешеной скоростью, просчитывая варианты развития событий, и ее так заклинило. Теперь он уже окончательно ничего не понимал. – Если такая секретность, так на фига эта истерика по интеркому?

– Значит, довел ты барышню, – предположил сержант, возвращая Игорю трубку. – И дурак ты после этого. Такая женщина... Ладно, беги в оружейку. Нельзя на Службе без телефона...

Игорь усмехнулся. Его слегка отпустило. Во всяком случае, он уже не был испуган, а просто чертовски неуютно себя чувствовал. Но бежать было некуда, и это он тоже создавал.

– Гляди, – сказал он, доставая из кармана нож. – Заслужил...

«Боевой» телефон Службы, внешне ничем не отличаясь от нормального, обеспечивал кодированную связь. Поэтому корпус его вскрывался только специальным инструментом, и любое несанкционированное проникновение уничтожило бы контур, отвечающий за шифровку сигнала. Ломались такие аппараты очень редко, и не от физического воздействия, а если раньше положенного садилась батарея. Отключить их было невозможно в принципе. Испортить преднамеренно – тем более. Пьяный Лавров на спор запихнул свой телефон в курицу и зажарил их на пару в микроволновой печи. Курицей они с Игорем закусили, а телефон работал как новенький.

Лезвие со щелчком встало на стопор, и Игорь аккуратно ткнул им в тонкую щель, расщепившую пополам корпус телефона. Сделав лезвием замысловатое движение, легонько нажал, и трубка вдруг распалась в его ладони на две части, обнажив электронные потроха.

У сержанта отвалилась челюсть. Помощник его привстал и вылупил глаза.

Игорь подцепил ножом кусочек пластика, вставленный между контактами, и телефон пискнул, сообщая о готовности. Игорь убрал нож, сложил две половинки трубки, зажал телефон в ладонях и мягко, но с усилием сдавил. Зашипела герметизирующая прокладка, что-то щелкнуло, и телефон оказался собран.

Сержант помотал головой. Помощник сел и разочарованно почесал в затылке.

– И что, так просто? – спросил он недоверчиво.

– А ты повтори, – предложил Игорь. – Если ножиков не жалко. Я штук двадцать лезвий угробил, пока не научился.

– Это какой-то дефект конструкции, – догадался сержант. – Только у тебя или у всех?

– Только у меня. Я проверял. А с этим случайно вышло – сидел, ковырял его по пьяни...

– Слушай, Игорь, – сказал сержант медленно и задумчиво. – Ты что, вообще ничего на свете не боишься? В смысле – того, что я на тебя донесу, например?

– Никогда ты на меня не донесешь, – усмехнулся Игорь.

– С чего это ты взял? – прищурился сержант.

– Я порядочного человека за километр чую, – сказал Игорь, пристраивая трубку на пояс. – А непорядочного – за два. И потом, ты хоть понимаешь, в чем сейчас участвуешь?

– В тайной операции внутри Службы, – пробормотал сержант хмуро. – По личному распоряжению Папы.

– Видишь, какое к тебе доверие, – сказал Игорь ласково. – Ну ладно, пойду я. Спасибо, господи. Я вам потом соображу чего-нибудь в компенсацию морального ущерба.

– Да ерунда, – отмахнулся сержант. – Просто мы за тебя немножко поволновались. Я так и не понял – зачем ты телефон отключил-то? Ну, наврал бы чего-нибудь...

– Я очень не хотел идти сегодня на Службу, – сказал Игорь. – А врать мне надоело. И служить надоело. Вот так-то. Ну, пока... – Он повернулся, вышел из дежурки и пошел к лифтам.

– Хороший парень, – сообщил помощник сержанту.

– Очень, – кивнул сержант. – Жалко, что сумасшедший, правда?

– Спецотдел, – вздохнул помощник. – Это тебе, старик, не просто эсэсовцы, это самая что ни на есть рейхсканцелярия...

– Ты хоть знаешь, чем Спецотдел занят, ты, юморист? – внезапно окрысился сержант.

– Знаю, конечно! – удивился помощник. – А ты думаешь, с чего все эти выкрутасы с вызовом к Папе лично и конфиденциально? Не по правилам, а через нас с тобой, секретно, в обход устава и вообще?..

– И чем же, по-твоему, занимается Спецотдел?

– Порядок наводит! – гордо заявил помощник.

Сержант достал носовой платок, вытер им потный лоб и посмотрел в ту сторону, где скрылся Игорь.

– Что-то не похоже... – сказал он задумчиво.

Игорь спустился в подвал и быстро миновал еще два контрольных поста. Здесь уровень секретности повышался с каждым шагом, повсюду были камеры, и ни о каком панибратстве с охраной даже речи быть не могло. Впрочем, и охрана здесь была не та, с которой можно подружиться. В дальнем вестибюле, где Игорь только что показывал фокус со своей трубкой,

не было не только камер, но даже и микрофонов. Там можно было вытворять все, что угодно. На этот пост, куда мог случайно (или намеренно) забрести с улицы чужой, ставили ребят гибких и артистичных, специально тренированных на нестандартные ситуации. А вот у парней, державших узкие коридоры, которыми шел сейчас Игорь в глубь Службы, задачи были совсем другие. Здесь превыше всего ценилась мгновенная реакция и способность подолгу находиться в напряженном ожидании.

Голосовой идентификатор, сканер отпечатков, контроль сетчатки глаза. Привычные операции Игорь проделывал автоматически, а думал об одном: отберут у него оружие или нет. На прием к Папе ходили только с голыми руками. Но сегодня Игоря пригласили неофициально, в обход протокола. В противном случае, едва узнав, что сотрудник бесследно пропал, Лена подняла бы тревогу, и сейчас уже вся Служба стояла бы на ушах.

На очередном лифте Игорь спустился на «свой» этаж, основную часть которого занимали аналитики и где небольшой сектор в десятку комнат отвели Спецотделу. Считалось, что ниже только два уровня – отдел внутренних расследований, он же «внутряк» (на местном жаргоне – «подвал Мюллера») и «рейхсканцелярия» – директорат. Еще считалось, что за употребление вслух подобных терминов можно загреметь со Службы.

Игорь автоматически притормозил у дверей Спецотдела, но потом вспомнил, что Лена приказала идти сразу же к ней. Поэтому он сделал глубокий вдох и двинулся к тамбуру, ведущему на уровень ниже.

Он вставил в замок свою карточку и набрал личный номер. Дверь откатилась в сторону, но за ней, против обыкновения, никого не оказалось. Игорь настороженно оглядел тамбур. Здесь должны были сидеть два здоровенных «внутряка», однако сейчас их не было.

Больше того, даже терминал системы идентификации был отключен. А дверь в зону директората – распахнута.

И тут Игорю впервые за сегодняшнее утро полегчало. Полегчало настолько, что снова задрожали ноги. Держась одной рукой за стену, а другой за сердце, он спустился по лестнице, миновал пустой холл, из которого тоже кто-то прогнал охрану, и вошел в приемную Папы.

– Боец, а с тобой ведь действительно плохо, – заметила Лена, глядя на него поверх своего громадного терминала. – На тебе просто лица нет...

Игорь повалился в кресло, откинулся на спину, устало сложил руки на груди и прикрыл глаза.

– Погода... – прохрипел он. – Не могу я в такую жару. Я, Леночка, страшно метеозависимый.

– Сока хочешь? Жалко, тебе стимуляторов нельзя сейчас, но ты хоть выпей холодненького... Ничего, подождет шеф еще пять минут, не застрелится. Сока апельсинового, да? Твоего любимого...

– Ну, чуточку...

– Бедненький... Держи. Ты прости, что я на тебя накричала, ладно? Но меня этот твой сумасшедший тезка просто чуть не съел. Подавай ему Бойко, и все тут.

Игорь выразительно поднял глаза к потолку. Лена этот распространенный на Службе знак поняла и рассмеялась:

– Не бойся, все отключено. И пока ты не уйдешь, не включат. Вот так-то. Я все утро только и делаю, что камерам язык показываю.

Игорь рассмеялся.

– До чего же рядом с тобой хорошо, – сказал он. – Давай я тебя приглашу куда-нибудь. Где можно долго и с удовольствием рассказывать, какую искреннюю симпатию я к тебе испытываю.

– Это к тебе домой, что ли?

– Лен, ну зачем так буквально?..

– Напился? – спросила Лена не слишком приветливо.

Игорь поставил банку с соком на журнальный столик.

– Извини, – сказал он, ощутимо погрузнев. – Я понимаю – нельзя. Только мне очень тяжело удерживаться от комплиментов, когда я на тебя смотрю.

– Все-таки сволочь ты, – сказала Лена и, не дав Игорю ответить, ткнула пальцем в терминал. – Игорь Иванович! Он здесь.

– Заходи, сынок! – пробасил динамик.

Лена мотнула головой в сторону двери. Игорь с похоронным лицом прошел в кабинет. Когда дверь за ним захлопнулась, молодая красивая женщина подняла руку на уровень глаз, медленно сжала кулак и, затаив дыхание, изо всех сил вогнала ногти себе в ладонь.

– Кончай ее охмурять, – сказал Папа вместо приветствия. – Выгони. Безобразие. Устава не знаешь?

– Я больше не буду, Игорь Иванович, – пообещал Игорь.

– Как же... Садись вон туда, в кресло.

Кабинет у Папы был небольшой. Игорь прошел в угол, где по обе стороны от журнального столика стояли глубокие кресла, и осторожно присел в одно из них. Он был здесь уже в третий раз, но до этого его сажали за стол заседаний. А в это полное загадок утро беседа намечалась явно неофициальная.

Директор перебирал на столе какие-то бумаги. Игорь, борясь с желанием закинуть ногу на ногу, принялся осматриваться. Обстановка в кабинете не изменилась, только на столике перед Игорем появилась странная вещь. Замысловатая конструкция из гнутой проволоки – несколько подвижных колец и шарики-противовесы. Все это хитро сплетенное хозяйство крепилось на массивном плоском основании. Судя по всему, штукавина находилась в состоянии неустойчивого равновесия и от малейшего толчка должна была начать двигаться – крутиться и покачиваться. Таких игрушек Игорь раньше не видел.

– Ты когда обзывать перестанешь? – неожиданно спросил Папа.

– Виноват? – переспросил Игорь.

– Кто «внутряков» гестаповцами назвал? Что за аналогии такие?

– Игорь Иванович, а кто всех нас ээсовцами зовет?

– И кто же?

– Народ, Игорь Иванович. И ничего страшного в этом нет. Никаких «таких» аналогий. Между прочим, это значит, что фашистская идеология окончательно признана ошибочной. Над ней можно только смеяться. Лубок, понимаете? Веселые картинки. Кто-то когда-то ляпнул, что Secret Service – это СС. И все, пошло-поехало. Ничего не изменишь уже. А аналогий нет. Просто так получилось.

– Нехорошо получилось! – заявил Папа агрессивно. – Это тебе кажется, что нет аналогий. И, между прочим, за дверями этого кабинета ты говоришь совершенно другое. Что аналогия куда глубже, чем кажется!

«Это не мент, – подумал Игорь. – Это операторы доложили. Ну, я их... Ну, я им... Придумаю что».

– Несешь черт знает что, – брюзжал Папа. – Восстановил против себя пол-Службы. Нельзя людям говорить все, что ты о них думаешь, прямо в глаза. А ты это делаешь постоянно. Ты что, нарочно решил создать вокруг себя полосу отчуждения, а? Откуда это презрение ко всем и вся, Игорь? Откуда это больное сознание превосходства? Кто тебе сказал, что ты лучше всех? Кто тебе сказал, что ты имеешь право судить, вешать ярлыки, провоцировать? А?

Игорь душераздирающе вздохнул и потупился.

– Актеришка! – выпалил Папа со странным выражением. – Передо мной хоть не играй, я тебя насквозь вижу!

– Игорь Иванович, вы зачем меня вызвали?

– Чего-о?!

– Игорь Иванович, я знаю, что вы отчего-то к моей судьбе равнодушны. Спасибо вам большое, я очень это ценю, хотя и не совсем понимаю ваши мотивы. Но вы же меня вызвали не для того, чтобы мораль читать. Для этого есть непосредственное мое начальство. – Игорь произносил слова твердо, но Папе в глаза не смотрел. Ему действительно было стыдно от того, что этот взрослый и облеченный громадной властью человек рычит на него сквозь зубы, как на нашкодившего мальчишку.

– Все сказал? – поинтересовался Папа.

– Почти.

– Вот наглец! – произнес директор чуть ли не с восхищением. – Ты хоть на минуточку отдаешь себе отчет в том, кому замечания делаешь?

– Разумеется, – ответил Игорь кротко.

– И что?

– Зачем я вам нужен, Игорь Иванович?

– А не твое дело!!! – рявкнул Папа. – Мудак с гранатой!!! Бомбу он, видите ли, в кармане носит! Тоже мне выискался романтический герой! Охотник на зомби! Книжечку начитался?! Мастером собак вообразил себя? Ты хоть понимаешь, какие могут быть последствия?!

– Игорь Иванович, вас там не было! – сказал Игорь твердо.

– Конечно, не было! А вот ты там был!

– Да, я там был, и теперь они к нам больше не сунутся. И ничего у них само по себе к нам не уедет. Игорь Иванович, я ведь не оперативник, я следователь. Считайте, у меня был припадок интуиции.

– Скорее припадок больного самомнения... – огрызнулся Папа уже нормальным голосом. – Почему ты не хотел отпускать этого уродца? Ты же мог погибнуть запросто! А если бы он тебя с собой уволок?!

– Ну что вы... Зачем я ему? А потом, у операторов был лазер, меня сверху прикрывал мент... Не дали бы они меня утащить.

– Мент тебе попался что надо, – согласился Папа. – Нормальный мент. Но с этого дня на любые следственные действия вместе с вами будут ходить наши оперативники.

– Игорь Иванович, ну это же нереально...

– Будет реально. Все, я сказал. Ты что думаешь, я не помню твою докладную? Я все помню.

– Однако... – Игорь улыбнулся. Еще год назад он подал «наверх» записку с предложением наладить огневое прикрытие работы в зонах аномальных явлений. Игорь хотел иметь под боком людей, обученных профессионально драться и убивать. Разумеется, он боялся не самих аномальных явлений, а неадекватной реакции попавших под влияние Неведомого людей. За Игорем уже гонялся однажды по двору с лопатой местный резидент инопланетной цивилизации, и самым дурацким в этой ситуации было то, что мужик действительно оказался «контактером». Несколько раз на Игоря и его бригаду операторов нападали полубезумные экстрасенсы. К сожалению, просьба Игоря была «наверху» превратно истолкована. Начальство попросту решило, что молодой человек обнаглел и слишком много на себя берет. Спецотдел получал огневое подкрепление, когда это считалось действительно необходимым. Но чтобы дорогостоящие оперативники постоянно таскались за Игорем и его коллегами – против этого выступили хором начальники трех «силовых» отделов Службы.

– Да, – кивнул Папа, вставая из-за стола и направляясь к Игорю. – Разумеется, твоя идиотская выходка с гранатой меня возмущает. Но на какие-то вещи эта граната заставила меня

посмотреть под новым углом. Я по-прежнему считаю, что ты поступил неправильно. Но... Ты как себя чувствуешь? – вдруг спросил Папа, усаживаясь напротив Игоря.

– Ничего, – улыбнулся Игорь. – Я быстро восстанавливаюсь.

– Это хорошо. – Папа толкнул пальцем стоящую на столе игрушку, и блестящие шарики принялись описывать в воздухе плавные дуги. А смотрел он Игорю в глаза, и выражение лица у него было странное.

Игорь невольно опустил взгляд и принялся рассматривать снующие из стороны в сторону огоньки. Откровенное, ничем не прикрытое внимание, которое к нему проявлял директор Службы, всегда ставило его в тупик. В Спецотделе давно поговаривали, что Боец ходит у Папы в любимчиках. Постепенно об этом начала перешептываться вся Служба. В принципе ничего особенного – Папа как раз начал кампанию за выдвижение молодых, а Игорь был, по общему мнению, весьма перспективный работник.

Только вот сам Игорь так не считал. С каждым днем Служба все больше тяготила его. Гигантский инструмент глобальной стабильности опутал всю планету своими щупальцами, направляя мир по самому мирному пути, оберегая от конфликтов и кризисов. Но методы, которыми частенько пользовалась Служба, казались Игорю сомнительными. Разумеется, он мало знал о том, как именно все делается. Но он и не хотел узнавать об этом больше. А ему постоянно намекали, что он должен быть хорошим, должен вести себя умно, потому что от него многого ждут и однажды он будет знать все. И никому не приходило в голову, что Игоря пугала такая перспектива. Потому что оберегать людей от ужаса Неведомого он был готов. А вот спасти человечество от самого человечества – нет.

И особенно неприятным для Игоря в этой ситуации было то, что если Службу он по большому счету недолюбливал, то вот к ее директору испытывал глубочайшую симпатию. С самой первой встречи, когда Папа ни с того ни с сего заглянул в Спецотдел и разговорился с молодым сотрудником, Игорь в него буквально влюбился. Он почувствовал, что его связывает с этим человеком нечто почти неуловимое, на уровне энергетики. И с каждым новым контактом эта общность только крепла.

Поэтому Игорь с трудом выдерживал Папин внимательный и пытливый взгляд, которым тот сейчас буквально впивался в его лицо. Игорь глядел вниз, туда, где крутились шарики на проволочках. В этой игрушке было что-то завораживающее.

– Ты смотри, смотри, – мягко сказал Папа. – Это удивительная вещь, нынче таких не делают. А я еще помню времена, когда они были в моде. Посмотри внимательнее. Отличная штука для медитации, я сам на ней оттягиваюсь, между прочим... Не нужно прикладывать никаких усилий. Если задать правильный ритм, она все сделает за тебя.

Игорь смотрел. Действительно, игрушка задавала очень удобный темп для расслабления. Судя по всему, ее колебания накладывались каким-то образом на волновую структуру работы мозга, и, глядя на качающиеся шарики достаточное время, можно было достичь того же эффекта полной «отключки», что давали запрещенные теперь биорезонаторы.

– Идеальная балансировка, – почти мурлыкал Папа. – Ритм, ритм, ритм, и ты уже расслаблен, ты полностью расслаблен, ты чувствуешь себя превосходно, тебе уютно и тепло, по всему телу разливается покой...

– Что? – встрепенулся Игорь.

– Я говорю, тебе ведь апельсиновый? – спросил Папа. Он стоял в дальнем углу и копался в баре-холодильнике.

– Апельсиновый, если можно, – кивнул Игорь, доставая сигареты. В пепельнице дымился оставленный Папой окурочек. Пепельница была огромная, антикварная и на куцем журнальном столике выглядела инородным телом. Игорь потряс головой. Ему вдруг показалось, что еще минуту назад этой пепельницы здесь не было... Да нет же! «Все-таки я не восстановился до

конца. Этот энергетический шок был чересчур глубокий. По большому счету, Папа прав. Дурак я и ковбой. Нельзя было так рисковать».

– Держи, – Папа протянул Игорю стакан, и тот увидел, что холеная породистая рука директора с длинными красивыми пальцами еле заметно подрагивает. «Не один я на пределе, – подумал Игорь. – Безумное лето. Чудовищная жара и магнитные бури. Папа, наверное, тоже гипотоник, как и я. Только я могу с утра выпить кофе с коньяком, а ему-то нельзя, он на всей планете главный. И надо же, носится со мной... Преемника готовит. Ох и трудно же мне будет его обидеть...»

– Я в этой истории с гранатой только одного понять не могу, – сказал Папа, усаживаясь и подбирая из пепельницы свой окурочок. – Ты вроде бы сказал, что она у тебя всегда в кармане. Это как понимать?

– Да соврал я, – соврал Игорь. – Конечно, я ее специально на задание взял. Машина-то железная. Мало ли что... Игольник мой штатный ее не возьмет, разве что колеса продырявить или там стекла побить. Шокер тоже, он, кстати, и не помог... А граната – это все-таки хоть какая-то гарантия.

– Нехорошо старших обманывать, – заметил Папа.

– То есть? – удивился Игорь.

– Ты никогда не ходишь без оружия. Никогда и никуда.

– Игорь Иванович, вас неверно информировали...

– Слушай, тезка, не вешай мне лапшу на уши. Я же тебя не спрашиваю, зачем тебе это.

Мне нужно знать, почему.

– Ну и спросите об этом доктора Сабурова.

– Он неправильно интерпретирует то, что ты ему говоришь.

– Наконец-то! – Игорь даже руками всплеснул от удовольствия. – Хоть кто-то здесь лучший психолог, чем наш доктор наук!

– Сынок, не трогай Сабурова. Он хороший специалист. Просто ты ему не по зубам, ты его совершенно запутал. И вообще, меня сейчас интересует твоя собственная оценка.

– Ну, допустим... – Игорь на мгновение задумался. – Допустим, я ношу оружие, чтобы из него не стрелять. Чтобы быть полностью уверенным, что я никого не обижу.

– С ним ты ощущаешь себя достаточно сильным для того, чтобы быть добрым и милосердным, да? – прищурился Папа.

– Точно, – кивнул Игорь.

Папа глубоко затыкнулся и раздавил окурочок в пепельнице.

– Правдоподобно, – сказал он. – Ну что ж. При условии, что эта граната у тебя была единственная... Или, скажем так, последняя...

– У меня дома в сейфе целая упаковка, – сообщил Игорь.

– Не ври мне, – сказал Папа очень мягко. – Хотя бы мне не ври. И не задирай сослуживцев. А этот эпизод, он забыт. Целиком и полностью. Только поменьше валяй дурака и побольше думай головой. И учти, я за тобой слежу очень внимательно. Ладно. – Он встал, прошел к рабочему столу и поиграл клавишами на терминале. – Лена, он уходит. Открой ему коридор.

– Сейчас, Игорь Иванович. Минуту.

– Мы ждем.

Игорь встал.

– Игорь Иванович, – позвал он тихонько.

– Да? – Директор был уже где-то далеко-далеко и опять перебирал бумаги на столе.

– Так все-таки зачем вы меня вызывали?

Папа бросил на Игоря короткий взгляд и снова погрузился в свои бумажки.

– Я услышал то, что хотел услышать. И сказал то, что должен был сказать, – пробормотал он глухо. – Придет время, ты все узнаешь. И все поймешь.

– А если я не хочу?! – вырвалось у Игоря неожиданно для него самого.

– Готово, – сообщила из приемной Лена.

– Иди, мой хороший, – сказал директор, будто не расслышав возглас подчиненного. –

И... удачи тебе, сынок.

Вместо благодарности Игорь презрительно хмыкнул, круто повернулся и вышел.

Глава 5

Третье июня, день

Спортивный зал был насквозь пропитан запахом пота. Плюс тридцать по Цельсию за окном превратили Москву в огромную адскую сковороду. Перегретые кондиционеры то и дело отключались, и тренировка с каждой минутой все больше походила на драку в турецких банях. Когда-то, в пору бурной молодости, сенсэю довелось испытать такое на себе, и он хорошо помнил, насколько это было потное, душное и скользкое дело.

И теперь он, не стесняясь показаться нервным, то и дело озирался на проклятые ящики в надежде, что они вот-вот оживут. Ему так и не терпелось запустить руки в умную электронику и замкнуть ее накоротко, чтобы жалела людей, а не себя. Но на кондиционерах стояли пломбы, а сенсэй был дисциплинированным человеком и учил дисциплине других.

Занятие потеряло темп. Вялые потные тела расслабленно шлепались о татами, и с каждой минутой росла вероятность, что кто-нибудь отшибет себе все печенки. Сенсэй просигналил своим помощникам, чтобы отработку следующего приема сократили вдвое, и устало зажмурился.

Кто-то подошел и толкнул его в плечо.

– Наконец-то, – пробормотал сенсэй, не скрывая раздражения.

– Не рычи, старый мастер. Где он?

– Да вон, – сенсэй, не открывая глаз, ткнул пальцем в сторону. – Тащится, сукин сын.

– Почему ты просто не выгнал его из зала? Для чего тебе этот спектакль?

Сенсэй с усилием потер ладонями веки и посмотрел на пришедшего. Это был высоченный, под два метра, усатый господин со слегка обрюзгшим породистым лицом. На вид лет сорока с небольшим, спортивного телосложения. Но сенсэй отлично знал, что начальнику Отдела спецпроектов Королеву столько же лет, сколько и ему самому, – шестьдесят один. Королев возвышался над сенсэем, как взрослый над ребенком. Одет он был в строгий костюм с галстуком, но дышал легко и выглядел очень бодро. Сенсэй потянул носом воздух.

– Что у тебя за дезодорант? – поинтересовался он.

– Просто я не потею, – объяснил Королев. – Ладно, давай колись. Чего задумал? Зачем я тебе понадобился?

– Если бы он сам ко мне пришел, я бы его давно выгнал, – объяснил сенсэй. – Но он здесь не по своей воле, его заставили. И он хороший мальчишка. Просто не может быть как все. Я раньше думал, что не хочет, и пытался его сломать. А сейчас вижу, что он именно не может. Получается, нет у меня права его выгнать. Но он мне тут напрягает обстановку. Если одному можно выпендриваться, так и остальные начнут, верно?

– Вот уж не думал, что ты такой чувствительный! Надавал бы ему по ушам, и все тут. Со мной ты, я помню, не церемонился!

– Старина, ну сам подумай! Ведь эта группа – не оперативники! Это персонал центрального аппарата. Я не имею права наносить им психические травмы. Башку проломить – это пожалуйста, а унижать их достоинство – нет. Мне на прошлой неделе в «рейхсканцелярии» все мозги засрали как раз по этому поводу.

– Ох, и вздрычил бы я их лет двадцать назад! – рывкнул Королев, топорща усы и обводя недобрым взглядом «персонал центрального аппарата», вяло наносящий и отражающий удары.

– Да я их и сейчас всех застрою в пять минут. – Сенсэй прижал руку к сердцу. – Только вот что-то на пенсию не хочется.

А потом, честно говоря, мне тоже кажется, что не стоит от них требовать больше, чем они могут. Они ведь не группа захвата какая-нибудь. Ну, обороняться должны уметь...

– Стареешь, – упрекнул его Королев.

Сенсэй помотал головой.

– Это не мы стареем, – сказал он мягко. – Это состарился мир.

Королев посмотрел на него озадаченно. – Вспомни, какие мы были в их годы. И какая жизнь была вокруг нас. А теперь... – Сенсэй вздохнул. – Этим обалдуюм по тридцать лет, а они озабочены только тем, чтобы поменьше двигаться, потому что при этом слишком много энергии расходуется. И мир такой же – во всем экономия, расчет... Я понимаю, что это правильно, но уж очень все как-то... не по-русски, а?

Королев что-то утвердительно промычал.

– И все-таки ты мог бы его отправить ко мне в кабинет.

Сенсэй усмехнулся.

– Так ты и не понял, что такое «сенсэй». Сенсэй жесткий, но он несет за ученика колоссальную ответственность. А эти люди мне не принадлежат. Если кто-нибудь из них поранится, я зову врача. Этот парень нездоров. Я зову тебя. Если я его просто выгоню, значит, я боюсь принять решение. А вот если вы с ним поговорите и ты его не убедишь, тогда уже ты возьмешь его за руку и уведешь из зала. Навсегда. И это будет означать, что я принял решение. Что, не понял?

– Ни хрена не понял. Но раз ты просишь...

– У-мо-ля-ю, – сенсэй провел ребром ладони по горлу.

– Значит, тащится, сукин сын... – повторил Королев фразу сенсэя, глядя в угол зала. Там на матах сидел в позе лотоса молодой человек с безмятежно расслабленным лицом. В зале стояла душливая жара, резкий запах пота перебивал все остальные, истошно кричали и шумно падали бойцы, а он, разведя в стороны руки со сложенными чашечками ладонями, медитировал.

Королев, который терпеть не мог демонстраций, шумно задышал и упер руки в бока.

– Только без крика, – попросил сенсэй. – Кричать будешь у себя в кабинете.

– А вот это уже был твой риск, – заявил Королев, срываясь с места. Он не стал обходить дерущихся по краю зала, а проложил себе путь через центр. Ему вслед оборачивались и хихикали. К Отделу спецпроектов на Службе относились со смешанным чувством зависти и недоверия. Вроде бы занимаются люди чем-то невероятным, только вот непонятно, в чем оно состоит. И отбирают в этот отдел народ со странностями. У них даже проблемы личного плана, и те не как у людей.

Королев навис над подчиненным и грозно рыкнул:

– Н-ну?!

Молодой человек медленно открыл глаза, оказавшиеся удивительно большими, слегка навыкате, несколько раз моргнул, хлопая длинными пушистыми ресницами, и поднялся на ноги. Он был не так высок, как Королев, но все же выше среднего роста. Фигура крепкая, даже массивная. Длинные темно-коричневые волосы схвачены резинкой на затылке и собраны в хвост. Черты лица правильные, только, может быть, излишне мягкие для мужчины. Красивый сладенький мальчик. Котяра, блин...

Несколько мгновений Королев, пыхтя, вглядывался в большие зеленые глаза, выражающие полнейшую невинность. Потом он выставил перед собой раскрытые ладони и, потрясая ими, спросил почти умоляюще:

– Ну какого черта, Игорь?

Игорь слегка потупился.

– Я двадцать раз вас просил... – начал он спокойно.

– И чего ты этим хочешь добиться?!

– Покоя, Андрей Иванович. Только покоя – для нас обоих. Вы меня заставляете делать то, чего я не могу в принципе. Даже сенсэй это понял.

– Пассивное ведение боя – позор!

– Это, может быть, для вас позор. А для меня нормально. Не могу я бить человека, который мне ничего плохого не сделал, разве не понятно?

– А вот когда ты на задании столкнешься с каким-нибудь... Ты же будешь не готов! Что ты будешь делать, если у тебя приемы нападения не наработаны, не отточены до автоматизма, а?!

– Я убью его, – сказал Игорь. И улыбнулся.

Королев внезапно сбавил тон, сунул руки в карманы и спросил очень тихо:

– Чем ты его убьешь, парень? Х...ем?

– Я ему воткну палец в мозг. Сквозь глазницу, – ответил Игорь так же тихо.

Королев застыл в замешательстве.

– Ты псих? – выдавил он наконец. – Ты в курсе, что нормальному человеку такое не под силу?

– Кто сказал, что я нормальный человек? – поинтересовался Игорь.

– Доктор Сабуров говорит, что ты чемпион мира по вранью.

– Сабуров даже со своими проблемами разобраться не может. Вы его спросите, почему от него жена ушла.

– Откуда ты знаешь?.. – опешил Королев.

– Да я и не знаю. Но вот симптомчики...

– Тьфу! Значит, так. Твое последнее слово?

– Нет! – отчеканил Игорь.

– Тогда я пишу рапорт, – вздохнул Королев. – Тебя, конечно, освободят от занятий, но ты попадешь в черный список. Затаскают по собеседованиям, вывернут мозги наизнанку и влепят пожизненно запрет на руководящие должности. Такое тебе на ум не приходило, а?

– Вы не сердитесь на меня, Андрей Иванович, – попросил Игорь так мягко, как просят очень близких людей. Королев поморщился – этой мягкостью парень брал его в соучастники. – Я, правда, иначе не могу. Это пытка для меня. Я без этих дурацких тренировок в сто раз лучше работать буду.

– Запрет на руководящие должности, – напомнил Королев.

Игорь небрежно шевельнул бровью.

– Я на Службу не рвался, – сказал он. – Сами позвали. И в начальники тоже... позовут. Только я откажусь, наверное.

Этого Королев вынести уже не смог. Он развернулся на каблуках и бросился вон из зала. Если бы бойцы не начали рассаживаться у стены, он бы их посшибал, как кегли. Игорь расправил плечи, сделал глубокий вдох и двинулся к сенсэю. Вот перед кем ему было действительно стыдно.

Сенсэй ждал его. И ждали сидящие в ряд «аналитики», «научники» и «управленцы». Многие из них неплохо знали Игоря по работе, и сейчас им было чертовски интересно, как с ним попрощается сенсэй, опытный и уважаемый человек.

Игорь с сенсэем поклонились друг другу.

– Значит, уходишь? – спросил сенсэй.

– Простите, мастер. Наверное, так будет лучше. Я не забуду ваших уроков, вы очень много дали мне. Спасибо и... до свидания.

Сенсэй отвернулся от группы. Игорь последовал его примеру.

– До свидания, – проговорил сенсэй очень тихо, глядя в стену. – И не думай о себе плохо. Ты просто выбрал свой путь, и у тебя хватило мужества настоять на том, что для тебя он единственно верный. Надеюсь, Служба поймет это.

– До свидания, – прошептал Игорь, чувствуя, как защемило сердце. Он повернулся к группе и поклонился ей. Сенсэй группе кивнул, люди дружно встали и поклонились в ответ. Некоторые взгляды показались Игорю презрительными. А некоторые – нет.

Кондиционеры, похоже, расплавились во всем здании. Игорь всего лишь прошел от душевой до выхода со Службы, но футболку уже можно было выжимать, а из джинсов хотелось выпрыгнуть. Тем не менее настроение у Игоря было приподнятое. Он только что решил очень серьезную проблему, а дома его ждал полный холодильник пива.

В вестибюле до неприличия взопревший доктор психологии Сабуров боролся с системой идентификации. Охрана, тяжело отдуваясь и обмахиваясь беретами, меланхолично наблюдала, как тот в десятый раз пытается мокрыми пальцами загнать в щель свою карточку и опять она у него выскользывает.

– Да ладно, доктор! – сказал наконец сержант. Он сунул руку под пульт и что-то там с усилием повернул. – Проходите так. Только быстро.

Доктор, рассыпавшись в благодарностях, прошел сквозь турникет и нос к носу столкнулся с Игорем.

– Значит, я чемпион мира по вранью? – спросил Игорь, прищурившись.

– Здравствуй, Игорь! – как-то слишком уж обрадовался доктор, закинув в карман потную карточку и извлекая на свет божий скомканный носовой платок. – Вот жарница какая, просто ужас! Просто невыносимая жарница! Я как представляю, что сейчас творится в пятнадцатой больнице или, например, в Центре Психического Здоровья...

– Завтра будет чуть-чуть прохладнее, – сказал Игорь. – Но проблемы останутся те же. Вы мне не можете объяснить, доктор, такой вот парадокс?.. Почему так получается – когда я вру, мне все верят. А когда я говорю чистую правду, мне не верит никто. Даже дипломированный психолог – и тот не верит. Мало того, что дипломированный, так еще и с учеными степенями...

Сабуров вытер потную шею, затолкал платок в карман и уставился на Игоря, как на надоедливое, но безвредное насекомое.

– А вы часто говорите правду? – поинтересовался он.

– Всегда.

– То есть вам никто и никогда не верит.

– Никто и никогда.

– Ну вот, Игорь, опять вы врете.

– Опять, доктор. И все-таки в чем дело, а? Я так надеялся, что вы за меня заступитесь...

Охрана так старательно развесила уши, что даже перестала обмахиваться беретами. Как и предыдущая смена, с которой Игорь общался утром, эти ребята числились в «отделе прикрытия», то есть имели богатый оперативный опыт и видали разнообразные виды. Поэтому Игорю они верили. А вот Сабурову – нет. Потому что Игорь, человек с топ-секретным допуском, никогда ими не брезговал. Даже когда проносился мимо, не кивая. А сверхлюбезный внешне Сабуров, всего-навсего какой-то задрипанный психотерапевт, всегда на них смотрел, как на дерьмо.

– Послушайте, молодой человек, – начал раздражаться Сабуров. – Вы что, требуете всесторонней экспертизы? А это ведь можно организовать...

– Не угрожайте мне, доктор. Я всего лишь попросил вас о помощи. А вы подняли меня на смех. И выставили лжецом. По-вашему получается, что я преследую какие-то свои цели, идущие вразрез с интересами Службы. Подумайте! Ведь вы фактически меня обвиняете в серьезном проступке.

Доктор надулся и сбавил тон.

– Я могу только повторить то, что вы уже от меня слышали, – сказал он хмуро. – Вы, Игорь, тонкий и, простите, излишне впечатлительный человек. Вы вбили себе в голову, что вы жестоки. Это у вас защитная реакция. Несколько сеансов у психотерапевта, и ее как рукой снимет. Вам просто нужно решиться. Но вам это неудобно, потому что опять придется ходить на занятия. А вы их отчего-то посещать не хотите. Вот и получается замкнутый круг.

– Но если я чувствую, просто физически чувствую, что мне нельзя ударить человека! – почти взмолился Игорь. – Если я не отвечаю за последствия! Что же мне делать?!

– Милый мой! – отмахнулся Сабуров. – Если бы дело обстояло так, как вы пытаетесь себя убедить, вы бы уже давно перестреляли всю Службу. Тяга к агрессии должна находить выход. А вы, наоборот, всякого насилия избегаете. Честное слово, нет у вас никаких симптомов, которые указывали бы на то, что вы убийца!

– То есть, – сказал Игорь, складывая руки на груди, – я себе это придумал, чтобы оправдать страх перед насилием. Так?

Сабуров кивнул и расплылся в улыбке.

– Вам просто нужно решиться, Игорь. Давайте я вам оставлю визитную карточку одного прекрасного специалиста. А вы ее положите дома на стол, и пусть она себе лежит. Когда соберетесь – скажите, что от меня, – он с вами бесплатно поработает.

– И все как рукой снимет? – спросил Игорь ехидно.

– А вы попробуйте! – рассмеялся Сабуров, копаясь в бумажнике. – Вот, пожалуйста.

Игорь, не глядя, убрал карточку в задний карман.

– Спасибо, доктор! – произнес он с чувством. Охранники не удержались и противно захихикали. Сабуров укоризненно покачал головой и, не попрощавшись, скрылся в коридоре.

– Дай ты ему в лоб! – посоветовал Игорю сержант. – Самый веский аргумент.

Игорь прокатил свою карточку через терминал и шагнул в арку металлодетектора. В мягких кобурах, заправленных внутрь джинсов, у него было спрячено достаточно железа, но машина, предупрежденная карточкой о том, что идет свой, промолчала.

– Да жалко мне его, – вздохнул Игорь. – Я так остро чувствую свое превосходство над ним...

– Ну еще бы! – кивнул сержант. – Согласен на все сто.

– Солдат ребенка не обидит, – поддержал его помощник.

Игорь усмехнулся, встал лицом к выходу, поднял руку в призывном жесте и провозгласил:

– Пиво!

– У-у-у!!! – в два голоса взвыла охрана.

– Банзай! – воскликнул Игорь и исчез за дверью.

– Хороший парень, – заметил сержант, провожая его взглядом. – Но абсолютный псих.

– Одно слово – Спецотдел, – усмехнулся помощник. – Они хоть чем занимаются-то?

– Инопланетных шпионов ловят.

– Чего-о?!

– А ты что, не в курсе? Вон на прошлой неделе двух зеленых человечков застукали. В женской бане. Как раз через эту дверь их вели, сам видел.

Помощник разочарованно подобрал челюсть, надулся и с преувеличенным вниманием уставился на монитор.

– А может, так оно и есть, – пробормотал сержант задумчиво.

Глава 6

Четвертое июня, утро

В общем зале Спецотдела было тихо, сумрачно и прохладно. Мишка Лавров, развалившись в кресле, с ленивой небрежностью пожизненного хакера гонял на компьютере сразу четыре программы. Две из них, перепахивая статистику, ваяли для Королева какой-то сложный график. Третья переводила с экзотических языков текущие газетные публикации по тематике отдела. А с четвертой Лавров ожесточенно рубился в «Банзай». Статистические программы время от времени теряли общий язык, отвлекая Лаврова от драки, и тогда он, злобно шипя, переключался и вправлял им мозги. Когда Игорь вошел в зал, как раз наступил такой патетический момент, и Мишкины руки, заправленные в перчатки «летучих мышей», с бешеной скоростью порхали над столом.

– Зар-раза! – сказал Лавров, не поворачивая к Игорю головы. – Вот зар-раза! Привет, Боец. Ох, замучили меня эти графики! Того и гляди машину подвесят...

– Ну, Мишель, ты же сам говорил, для чего пишется новый софт. Чтобы доказать тебе, что твое железо уже никуда не годится.

– Это хорошее железо, – прорычал Лавров, сосредоточенно гоня «мыши» одновременно по трем измерениям. – А софт так себе.

– Ну и довел бы его до ума.

– Скоро он меня доведет... Как я это сделаю? Это же новый софт.

– Ну сломал бы его.

– Да нельзя его сломать! Нечего там ломать. Ты когда последний раз на занятия ходил?

– Да никогда.

– То-то и оно. Прежний софт весь был как листочки со строчками. Там было что ломать и что править. А эти программы новые, они цельные, они похожи больше всего на... ну, на...

– На поллитру? – осторожно предположил Игорь.

Лавров от изумления аж застыл.

– А знаешь... – пробормотал он, впервые за весь разговор повернувшись к Игорю лицом. – Вот именно, на поллитру они больше всего и похожи...

– Мишель, ты б подучил меня слегка, а? – попросил Игорь. – В частном порядке. Возьмем ноль семь крепкого...

– Нет, только полбанки, не больше. В прошлый раз мы после ноль семи... Сам помнишь.

– А какая разница? Нам полбанки вечно не хватает, и мы потом в баре коктейлями долеживаемся. Конечно, в таком людном заведении всегда найдется на кого обидеться. А с ноль семи мы тихо и мирно отдыхаем на рабочем месте...

– ...и обижаемся здесь же на всех, кто под руку подвернется! – заключил Лавров. – Спасибо, достаточно. Ладно, будет время, устрою тебе лекцию.

– Я вот только понять не могу, – произнес Игорь, задумчиво глядя на монитор. – Если этот софт построен по совершенно новой схеме, как же он работает на старом железе?

– Боец, – сказал Лавров проникновенно. – Очнись. Железо уже месяц как новое. И я тебе об этом рассказывал двадцать раз. Кстати, последний случай был позавчера.

Игорь сконфуженно поджал губы и заглянул под стол.

– Обычный системный блок, – пробормотал он смущенно. – Я думал, у него просто частота другая...

– У него все другое, старина. И это я тоже двадцать раз тебе объяснял.

Игорь присел на край стола и с усилием потер глаза ладонями.

– Придется взять полбанки, – заключил он.

– Отшибает память? – Лавров повернулся к монитору и продолжил работу.

– Мишель, ты не поверишь, начисто.

– Странно. Ты же вроде нормально себя ведешь... Во всяком случае, не артистичней, чем я.

– Миша, я дома всегда добавляю до упора. Пока не упаду.

– Н-да... Старик, а ведь ты уникал! Ты, наверное, единственный в мире человек, который спьяну проспал настоящую компьютерную революцию...

Игорь поднял глаза к потолку и выразительно цыкнул зубом.

– Жениться тебе надо, – вздохнул Лавров. – И начнешь ты дома падать совсем по другой причине. От удара сковородкой по балде. Но помнить будешь все...

– Вот уж чего у меня дома нет, так это сковородок!

– Появятся, – заверил Лавров. Он удовлетворенно хмыкнул и полез в стол за сигаретами, а на мониторе вновь появилась группа самураев, застывших в напряженных позах. – В нормальной семье обязательно должны быть сковородки. Потому что в наше время порядочная женщина обязательно умеет и любит готовить. Пусть редко, но зато... Ух, какие вчера были отбивные! Я тебе звонил, а ты шлялся где-то...

Игорь вздохнул. Он понимал, что больше всего на свете Лавров хочет сейчас узнать, помог ли Игорю ворованный документ. Но спросить об этом вслух в нашпигованном камерами и микрофонами офисе Службы было совершенно невозможно.

– Я не шлялся, я дома был, – извиняющимся тоном сказал Игорь. – Я просто немножко пива выпил...

Лавров заржал.

– Н-да... – протянул он, отсмеявшись. – Кстати, ты про Сабурова слышал последнюю новость?

– А то... На меня не повесят, у меня алиби.

– А ведь попил он твоей кровушки...

– Ничего, – улыбнулся Игорь. – Зато я больше не хожу в этот вонючий спортзал. На этот чертов рукопашный бой.

– Запишись в айкидо, – предложил Лавров. – Там драться не надо, все чинно-благородно, а дело, говорят, стоящее.

– Зачем мне айкидо, Мишель, если у меня ствол? Какой мастер со мной справится? Это ты боевиков насмотрелся. В жизни все иначе, поверь. Конечно, выбить у тебя оружие можно. Но только если ты, как снайпер, всегда держишь его на вытянутой руке. Единственный раз в жизни, когда я стрелял по живым людям, я косил их от бедра, и все было нормально. Не исключено, что мне даже понравилось.

– Ты сейчас говоришь, как сержант еврейской армии. А бывает так, что ствол просто достать не успеешь.

– Ну, Мишель, агрессию по отношению к себе нужно предвидеть. И вообще, я не оперативник. Если мне приходится драться или, того хлеще, стрелять – значит, я чего-то недодумал. Мне думать положено по штатному расписанию, хитрить и сыпаться, как снег на голову. А не прыгать по крышам с автоматом в зубах.

– Но пулю ты тогда схлопотал...

– Я понял, – рассмеялся Игорь. – Ты хочешь сказать, что от занятий спортом отрастают глаза на заднице.

– Да нет же! Ты пойми элементарную вещь, старый. Я вот с детства хожу на кикбоксинг. С шести лет...

Дверь зала отворилась, и на пороге возник насупленный Королев. Лавров моментально закрыл рот и вскочил. Игорь вытянулся рядом. Начальство пребывало в глубокой мрачности, и перед глазами подчиненных замаячил обширный реестр служебных проступков, за которые

с них еще не было взыскано. Впрочем, ничего особо страшного за ними не числилось. Фокус с гранатой Игорю простили, а Мишкин компьютерный взлом явно прошел незамеченным.

– Кто вчера наблевал под дверью доктора Сабурова? – спросил Королев вместо приветствия.

– Даша, – моментально ответил Лавров. – Во всем виновата Даша.

Игорь не удержался и хихикнул. Даша была персонажем мифическим, давно прижившимся на Службе и по традиции ответственным за все грехи. Несколько лет назад внешняя охрана среди ночи крепко заложила за воротник, приволокла с улицы какую-то пьяную бабу и до утра ее имела всеми доступными способами. На свою беду, охранники наутро не только не помнили, как девицу звали – то ли Маша, то ли Даша, – но даже не сумели толком объяснить, была ли она одна. Закрытая пропускная система, о существовании которой охрана и не подозревала, зафиксировала проход на Службу двух посторонних. А вышел только один. Поэтому отдел внутренних расследований буквально выпотрошил офис. А поднятые по тревоге оперативники прочесывали город, пытаясь запеленговать маркер, которым пропускная система пометила вышедшего из здания чужака. И откопали-таки Машу, спящую у себя на квартире сном праведницы. Эффектную брюнетку, парламентского корреспондента уважаемой газеты. Пока из Маши добывали пробы семенной жидкости, которая у нее разве что не текла из ушей, на Службе «внутряк» открыл жесточайшую облаву на Дашу. Служба хохотала и содрогалась одновременно, пока охрану не загнали под гипноз и не выяснилось-таки, что никакой Даши и в помине не было. Но компьютер пропускной системы упорно твердил, что была, а с машиной не поспоришь.

Узнав, кто такая Маша и где она аккредитована, Папа лично ее допросил под гипнозом. Он остался так доволен, что карательные меры к охране свелись к промыванию мозгов, подсадке ложной памяти и переводу в строевые. Появление лишнего чужака объяснилось банальным заеданием радарного датчика. Но местные остряки уже сложили легенду о виртуальной Даше, которая ходит по Службе, учиняя пакости типа засорения унитазов. И теперь, случись что, на бедную Дашу ссылались к месту и не к месту.

– Значит, Даша? – переспросил Королев. – М-да. Во всем виноват Чубайс... – пробормотал он себе под нос загадочную фразу. – Ну ладно. Тем не менее этот урод Сабуров подал рапорт. Папа-то хохочет, ему все шуточки. А вот Дядя просто озверел. «Внутряки» будут ему докладывать с минуты на минуту. Ты что делал после тренировки? – повернулся Королев к Игорю.

– Сразу ушел домой и там лежал, не шевелясь. Был нетрезв. Кстати, Сабуров видел, как я выходил со Службы.

– Нажрался, значит, на радостях? Так, Мишель, а ты?

– Я в полпятого свалил. У нас с Бойцом алиби несокрушимое, командир.

– Будем надеяться... – Королев заглянул Лаврову за спину и хищно прищурился на самураев. Лавров, не поворачиваясь, шевельнул пальцем, и на мониторе возникли медленно растущие столбцы графиков. Королев удовлетворенно крякнул.

– Через полчаса, командир, – заверил его Лавров. – Максимум через час. Все подвиснуть хочет, зараза.

– А ты эти программки сломай и доведи до ума, – посоветовал Королев.

Лавров тяжело вздохнул.

– «Чайников» – давить! – пробормотал он в пространство.

– Фу! – сказал Королев и направился было к себе в кабинет. Но тут дверь отворилась вновь, и в зал шагнул, ни больше ни меньше, Дядя.

При виде первого заместителя Папы и начальника отдела внутренних расследований молодежь встала во фронт. Дядю они едва-едва знали в лицо. Если Папа, главный стратег и философ Службы, позволял себе быть с людьми накоротке и частенько бродил по офису, обща-

ясь с народом, то у Дяди на такое просто не оставалось времени. У него были совершенно конкретные задачи, и он их образцово выполнял. На Службе его побаивались.

– Уже? – спросил Королев с какой-то странной интонацией, почти неприязненной, и Игорь вдруг поймал на себе его короткий взгляд.

– Я освободился до вечера, – сказал Дядя. – Здравствуйте, Бойко, – он протянул Игорю руку.

– Добрый день, – Игорь машинально ответил на пожатие и снова засек быстрый, острый взгляд Королева. «Однако дело пахнет операцией. Даже, я бы сказал, черт возьми, Операцией! Что это старики задумали? А ведь пора! Третий месяц уже дурью маемся, так и спиться недолго».

Лаврову Дядя просто кивнул.

– Здрассте, – протянул обиженный Лавров.

– Можем начинать прямо сейчас, – сказал Дядя Королеву. – Второй подъедет через три часа.

– Хорошо, – кивнул Королев. И вдруг опустил плечи. И глубоко вздохнул.

– Мне тоже вся эта история не по душе, – сказал Дядя доверительным тоном. – Но чем раньше начнем, тем больше шансов на успех. Где мы сядем? – Он окинул взглядом большой круглый стол в центре зала. – Здесь? Нет, лучше у тебя. Э-э... молодой человек...

– Референт Лавров, ваше превосходительство.

– Да, господин Лавров, будьте добры, возьмите на себя все входящие. Кроме адресованных мне лично или на два имени: мне и вашему шефу. Вплоть до особого распоряжения нас не отвлекать. Очень на вас надеюсь.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство.

– Меня зовут Павел Семенович, – смилостивился Дядя. И протянул-таки Лаврову руку. Тот аккуратно, не спеша освободил пальцы из зажимов «мыши» и со спокойной улыбкой приветствовал одного из могущественнейших людей планеты. Лавров поставил Дядю на место и был теперь очень доволен.

– Пошли, – Королев отворил дверь кабинета.

– Прошу вас, Бойко, – сказал Дядя, предлагая Игорю пройти вперед. И тот понял, что не ошибся. Будет дело.

В кабинете Королев первым рухнул в кресло, будто у него отказали ноги. Игорь подождал, пока усядется Дядя, откатил свое кресло подальше от стола, сел, закинул ногу на ногу и только тут понял, что ему сегодня показалось в Королеве странным. Начальник отдела Спецпроектов явно не спал эту ночь.

– Кофе, – сказал Королев, набирая комбинацию на врезанном в край стола киборде. – Паша, тебе с сахаром, да? А тебе, Боец, еще и со сливками.

– Ты как вообще, старик? – спросил Дядя. – В форме?

– Давненько не брал я в руки шашек... – вздохнул Королев. – Фигня, прорвемся.

– Кризис начался позавчера рано утром, – сказал Дядя, обращаясь к Игорю. – Игорь... Можно я буду вас называть по имени? Отлично. Кстати, Андрей, а что это твой секретарь так на меня наехал?

– Здраваться надо, – проворчал Королев, доставая из открывшейся в стене дверцы поднос с тремя чашками.

– Терпеть не могу здороваться за руку с незнакомыми людьми, – сказал Дядя, принимая с благодарным поклоном свой кофе. – Ничего с собой поделать не могу.

Игорь взял чашку и покосился на Дядю.

– А вас я знаю неплохо, молодой человек, – усмехнулся Дядя, поняв его немой вопрос. – Мы познакомились так давно, что вы и не помните. Вам, Игорь, было тогда от силы года два. И все последующее время я очень внимательно следил за вашей судьбой.

– И за карьерой? – спросил Игорь.

– А что, плохо вышло? – поинтересовался Королев.

Игорь отхлебнул кофе, поставил чашку на стол, откинулся в кресле и сунул большие пальцы в карманы джинсов. Некоторое время он молча глядел в стену, позволяя старшим беззастенчиво рассматривать себя. И не выдержал.

– Почему я? – спросил он. – Я не самый опытный в Спецотделе. И не самый удачливый. Понятно, ребята сейчас все на выезде, но я готов подменить любого из них. Так что давайте рассказывайте... – И тут он осекся. В голову ему пришла совершенно безумная мысль. Настолько безумная, что он застыл с открытым ртом. «Не бывает таких совпадений, – подумал он. – Не может быть...»

– Ты в Спецотделе самый умный, – сказал Королев. – Вот, я вижу, ты уже до всего и дотумкал...

Игорь помотал головой и сел относительно прямо. Теперь он смотрел на Дядю, и взгляд его был ледяным.

– Ты Игоря Волкова хорошо помнишь? – спросил Дядя.

«Я правильно угадал, – подумал Игорь. – С ума сойти! Как же так все совпало? Неужели случайно? Им нужен Волков. Ох, черт возьми! Я еще и привыкнуть-то не успел к мысли о том, что он на самом деле жив... Сейчас придется играть. Много и вдохновенно. Эх, не проколоться бы».

– Он жив... – эти слова Игорь скорее прошептал, чем выговорил, но интонация его была утвердительной.

– Посмотри, – Королев достал из стола растрепанную папку с крупно выведенным на обложке номером 116 и выудил из нее фотографию. Игорь взял снимок и задохнулся от изумления.

Маленькая цветная карточка не была фото в обычном смысле слова. Это оказалась прорисованная на компьютере ментография – отпечаток картинка, запечатленной в человеческой памяти. Страшно дорогая в производстве вещь, используемая только в крайних случаях. А та ментография, которую Игорь держал в руке, была просто дороже золота. По характерным заплатам изображения Игорь определил, что отпечаток был взят с трупа. Игорь даже приблизительно не мог себе представить, в какие деньги обошлось разовое применение топ-секретной технологии, из недр которой родилась эта картинка.

– Похоже, я держу в руке бюджет небольшого государства, – пробормотал он.

– Ну почему же небольшого... Ты смотри, смотри.

А на снимке Игорь увидел Волкова. Конечно, не такого, как на фотографиях из маминго альбома, а постарше лет на тридцать. Очень правильные и очень жесткие черты лица. Почти ничего общего с обликом сына, который вышел лицом и мастью в мать. Только что-то неуловимое в выражении глаз... И еще говаривали знающие люди, что повадками, манерами и привычками Игорь совсем не Бойко, а вылитый Волков.

– А собака у него есть? – спросил Игорь, не отрываясь от снимка.

– А то! – фыркнул Королев.

– Буль какой-нибудь? – Игорь по-прежнему не поднимал глаз.

– Не лови нас как маленьких, – попросил Дядя. – С чего бы это ему завести бультерьера? У него бернская овчарка. И, похоже, ростом с лошадь.

– У нас был прекрасный ландсир, – вздохнул Игорь и осторожно положил карточку на стол. – Я на нем верхом катался. Конечно, если папуля удосуживался меня посадить.

– Я помню, – кивнул Дядя. – Его звали Джем. Чуть мне яйца не отгрыз. Никогда бы не подумал, что из простого ньюфаундленда можно сделать такого киллера.

– Ладно, – сказал Игорь. – Вы-то, как я понимаю, точно установили, что он – это он?

– Вне всякого сомнения, – сказал Королев. – Это Игорь Волков. Сто процентов. И Шнейдер его опознал.

– Ну, по такой ментографии трудно судить... – Игорь склонился над столом, вглядываясь в карточку.

– Шнейдер видел его живьем, – сказал Дядя жестко. – Он узнал Волка и успел послать сигнал подтверждения. И Волк тоже узнал своего приятеля Шнейдера. Старого доброго приятеля.

Игорь закусил губу и выпрямился.

– Серьезное дело, – сказал он вполне безмятежным тоном.

– А никто и не говорит, что оно лажовое, – усмехнулся Королев.

– А меня он якобы не тронет.

Королев и Дядя переглянулись.

– Не пойду, – отрезал Игорь.

Старшие одновременно повернули к нему головы.

– Я для Волкова никто, – сказал Игорь. – Когда он ушел, мне было шесть лет. Я его даже толком не помню. Джема помню очень хорошо и до сих пор оплакиваю. Я, может, никого на свете так не любил, как этого пса. А когда отец исчез, Джем за неделю сгорел как свечка. Мне сказали «папа в командировке», и я так и не простил ему, что он бросил такую преданную собаку. Еще через сколько-то лет мне объяснили, что папочка умер, но я уже не смог перестроиться. А когда мне стукнуло двадцать, умерла мама. Которая так больше замуж и не вышла. И я со всем этим, извините, живу. Я даже к психоаналитику ходил. Без толку.

– Ты просто не хотел освободиться от этого груза, – сказал Дядя мягко. – Мы поступки Волка ни в коем случае не оправдываем. Ни то, что он сделал с тобой, ни то, как он с Галей обошелся. Да и нас он всех подставил капитально. Но поверь мне, Игорь, для тебя отец значит гораздо больше, чем ты думаешь. И боль, которую он тебе причинил, во многом сделала тебя таким, какой ты сейчас есть.

– Я уже не маленький, Павел Семенович, – кивнул Игорь. – Так что не надо мне рассказывать, кто и что для меня сделал. А уж вы, господа, затащив меня на Службу, извините, так мне нагадили, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Королев поморщился. Дядя криво усмехнулся.

– Я давно все сопоставил, – упрямо гнул свое Игорь. – Вы меня на Службу разве что силком не тащили. Я здесь уже пять лет. И сейчас я точно знаю, что взяли меня сюда из-за того, что я сын Волка. Которого все ветераны Службы почему-то боятся до судорог. Поэтому меня ни капельки не удивляет, что мой дражайший папочка жив.

– То есть ты запросто готов отправить псу под хвост все, что сделал за эти пять лет, – констатировал Дядя. – И дырку от пули, которая у тебя в спине, и орден, который у тебя в сейфе лежит, и именной ствол от Папы. Ты знаешь хоть одного, кто за пять лет на Службе столько бы успел наворочать?

– Да, Игорек, – вступил Королев. – Что-то ты, друг мой, того... передегиваешь. Выходит, мы тебя держим только как щит от Волка страшного? За красивые глаза, так сказать?

– А у меня действительно очень красивые глаза, – рассмеялся Игорь. – И еще я очень умный. Но все равно я вам, простите меня, пожалуйста, господа... Ну не верю я вам до конца, и все тут. Подорвано у меня доверие к Службе.

– А у Службы к тебе – нет, – сказал Дядя.

– А Сабуров говорит, что ты просто обнаглел, – вставил Королев.

– И глаза у тебя на самом деле красивые, – сообщил Дядя. – Это правда, – повернулся он к Королеву, – что от него ту девчонку силой отдирать пришлось?

– Какую девчонку? Из Безопасности? Их там две было...

Дядя захохотал, громко и беззаботно. Игорь молча ждал.

– Все мы про тебя знаем, – сказал Дядя, отсмеявшись. – Иногда, правда, делим на два, но что поделаешь...

– И то, что тебя в Безопасность приглашали на майорскую должность...

– И то, что Охрана к тебе подкатывала...

– И дома у тебя клякса лежит неучтенная...

– Стоп! – скомандовал Игорь Королеву. – Не было такого. Кляксу я сдал под роспись. Вы еще, господа, Дашу на меня повесьте.

– Ну зачем же Дашу? – сказал Дядя ласково. – Дашу тогда мои драгоценные «гестаповцы» замочили. С перепугу.

У Игоря непроизвольно отвалилась челюсть. У Королева тоже.

– Э! Мужики! Вы что? Я пошутил! – встрепенулся Дядя. – Честно, пошутил. Не было Даши. Ну не было!

– Тогда и кляксы не было, – сказал Игорь.

– Я тебя что, прошу ее сдать? – отмахнулся Королев. – Тебе сказали добыть хотя бы снимок. А ты приволок живую вещь. Целых две. Ну и зажал одну. Бывает.

– Ты только с ней поосторожней, – попросил Дядя. – Это все-таки не игрушка, а штучковина неустановленного происхождения. Ты ею что, от похмелья лечишься? С перепоя под язык?

– Под подушку кладу, – сказал Игорь хмуро. Кляксу, сгусток теплой и дружелюбной темноты размером с шарик для пинг-понга, он добыл при таких печальных обстоятельствах, что шутить на эту тему не хотелось. Спецотдел охотился за кляксой несколько лет кряду и нашел ее не в том месте и не в то время. В одном из государств «третьего мира» и на час раньше конкурирующей иностранной фирмы, которая повела себя бестактно, кинулась в погоню и открыла пальбу. Это было как в фильмах про войну, потому что оперативники, прикрывавшие Игоря, начали по двое отставать, чтобы задержать преследователей. К точке подхвата вышли только Игорь и старший группы, который отвечал за него до конца и бросать не имел права. Фамилия старшего была Шнейдер.

– Ладно, – вздохнул Игорь. С кляксой его здорово поддели. – Взяли вы меня за ошейник, ничего не скажешь.

– Ты работай с ней, работай, – сказал Дядя. – Только Москву не взорви. Считаю, я дал санкцию. Научники все равно со своей так и не смогли разобраться.

– Научники вряд ли ее поймут. Скорее она у них взорвется, чем у меня. Я ее люблю, ей со мной комфортно. С кляксой вообще не ученые должны разбираться. Точнее, не нормальные ученые, а... Не знаю кто. Экстрасенсы, может быть.

– Не ты первый до этого додумался. Мы как раз собираемся ввести биоэнерготехнолога в их группу. Ты полагаешь, она живая? В смысле – разумная?

– Мне все кажется, что да. Примерно на уровне собаки. Но я к ней слишком привязан. Скорее это самообман.

– Поживем – увидим. Так ты, я понимаю, согласен? – прищурился Дядя.

– Я не хочу ждать от вас прямого конкретного приказа. Считайте, что оказанное мне доверие оценил и с любезной просьбой милостиво согласился. А про шантаж забудем.

– Подставляться не надо, – посоветовал Королев. – Осторожнее надо быть. Думать надо головой. Не создавать для шантажа поводов.

– Да ладно! – бросил ему Дядя. – Сколько раз мы с тобой подставлялись, я уж умолчу. За давностью лет. А он бы и так согласился.

– Я бы согласился, – кивнул Игорь. – У меня ведь нет какой-то веской причины для отказа. Кроме страха разве что. Я все-таки не оперативник, я аналитик. И в спортзал не хожу.

Дядя хмыкнул.

– Сабуров на тебя стучалку написал, – сказал он. – Вчера, прямо сразу после того, как ты с ним в вестибюле поцапался.

Игорь посмотрел на Дядю очень внимательно.

– Пишет, что ты стал опасен для Службы, – продолжал тот. – Что у тебя личные мотивы окончательно перевесили долг профессионала.

– Павел Семенович, может, вы мне и вправду дядя? – произнес Игорь задумчиво.

– Не зазнавайся. Особо пристальный интерес с моей стороны ты вызвал только минувшей ночью. Тут-то я и поднял твой файл. Увлекательное было чтение, ничего не скажешь.

– Я на Службу не просился, – заметил Игорь.

– Не прячься за Волкова, – сказал Дядя. – Перестань. Ты сам по себе личность, ты Службе интересен как Бойко, а не как Волков. Я бы на твоём месте, наоборот, гордился...

– Тем, что мой близкий родственник – пугало и страшилище? Слуга покорный... – Игорь отвернулся и помотал головой.

– А ты в курсе, почему его боятся? – спросил осторожно Королев.

Игорь вздохнул. Сейчас главное – не проболтаться. И продолжать игру, отвечая старшим с тех позиций, на которые он успел продвинуться до прошлого вечера. Игорь действительно расспрашивал об отце всех и вся. Но те на Службе, кто мог бы ему рассказать хоть немного правды о Волке, знали, что Игорь – его сын. И молчали. А те, кто не знал, распространяли дурацкие слухи и ничего интересного сообщить не могли.

– Я уверен, что он был сенс, – пробормотал Игорь. – А я – нет.

– Почему «был»? Он до сих пор сенс.

– Да поймите вы! – вскричал Игорь, наливаясь кровью. – С того дня, как Волков пропал, он не проявил ко мне ни малейшего интереса! Я его не видел двадцать лет! И видеть не желаю! Вы же мне больно делаете, господа, что, непонятно? Он для меня человек в прошедшем времени! Все равно что умер! Да я и привык к мысли, что он умер! Ух, ё-моё!..

– Но ты же вычислил, что он жив, – сказал Королев очень мягко и уважительно.

– Это головой! – прошипел Игорь, утирая пот со лба. – А сердцу приказывать смысла не было.

– Хочешь, мы сейчас искренне извинимся? – предложил Дядя.

– И оставите меня в покое?

– Нет.

– Ну и не извиняйтесь. Простите, господа. Я не думал, что это будет для меня так болезненно. Давайте лучше я перед вами извинюсь за свою истерику дурацкую...

– Кофе, – пробормотал Королев. – Тебе, Паша, с сахаром...

– А Игорю еще и со сливками, – сказал Дядя озабоченным тоном. – Давай-ка, мил-друг, отправляйся спать. Ты уже повторяться начал. А я тут без тебя как-нибудь.

– Ни. За. Что, – отдельно произнес Королев, глядя в клавиши на столе и пытаясь набрать код вялым пальцем. – Я тоже Волку был не чужой, значит, и я несу часть ответственности.

– Все мы ему оказались чужими, – вздохнул горько Дядя. – Даже сыновья...

– Чего-о? – пробормотал Игорь.

Глава 7

Четвертое июня, полдень

– Удивительно, – сказал задумчиво Королев, перебирая стопку фотографий. Принтер выбросил еще две, и он положил их на стол отдельно. – Сколько раз я эти фотки видел и все равно никак оторваться не могу. Мистика какая-то.

– Никакой здесь мистики нет, – пробурчал Дядя, сосредоточенно вглядываясь в разложенные перед ним отпечатки. Игорю показалось, что Дядя рассматривал эти снимки еще чаще, чем Королев. И один, запершись в кабинете. Слишком уж он любовно к ним относился.

– Нет мистики, – повторил Дядя. – Есть люди выдающиеся. И больше таких не делают. Вот разве что Игорек – приятное исключение.

– Который, старший?

– И старший, и младший. Младшие то есть. Это кровь, старина. Насквозь гнилая старая добрая голубая кровь. Все было отмечено, зафиксировано, запротоколировано. Совершенно четко. И у Ларина, и у Костенко, и у Волкова за последние два столетия в роду доминировал экстерьер отцов. А то, что они между собой здорово похожи, – это первое впечатление. Если присмотреться, не так уж много сходства. Просто одна порода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.